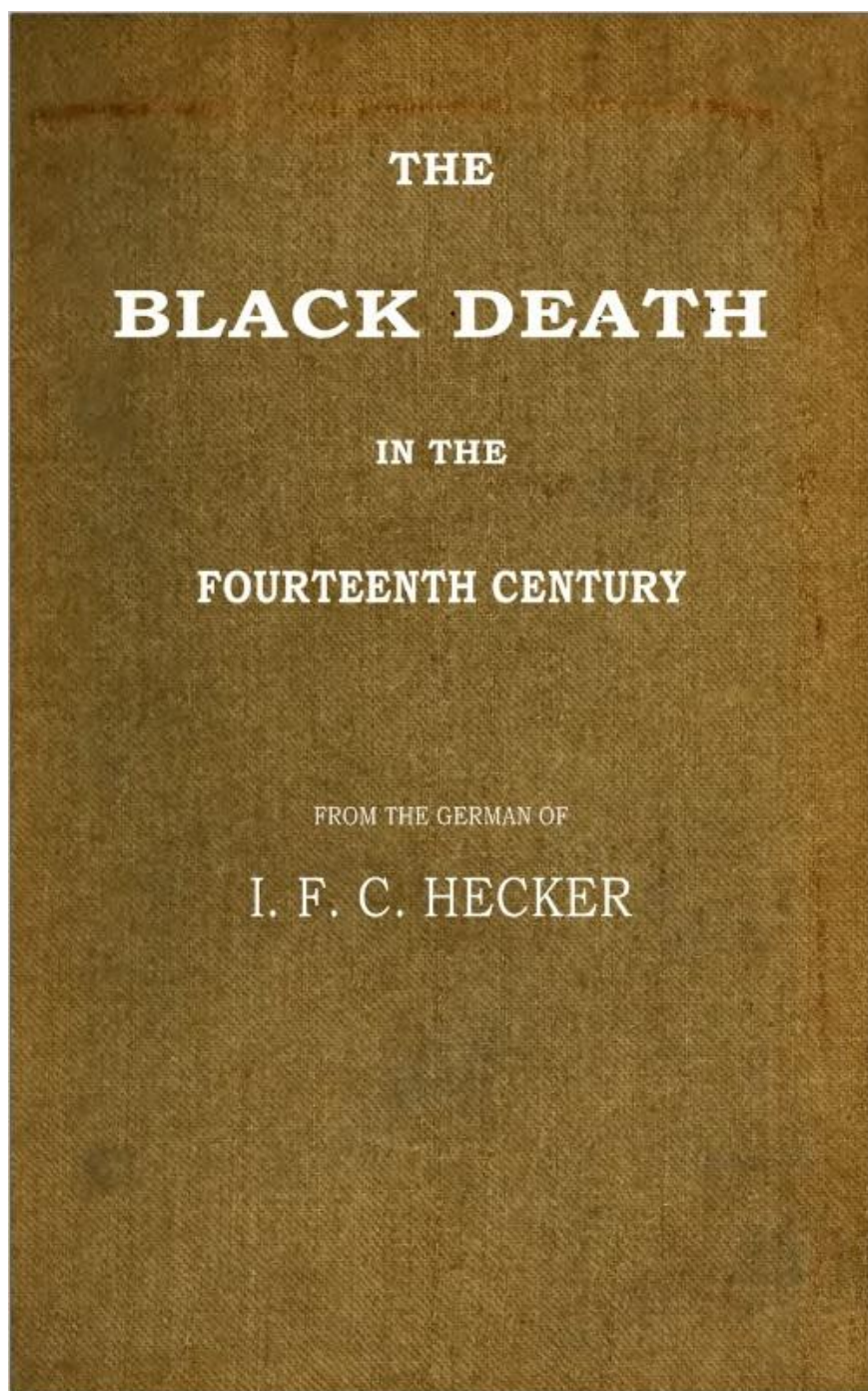

Черная смерть в четырнадцатом веке

Дж. Ф. К. Хеккер

The Project Gutenberg eBook of The Black Death in the Fourteenth Century.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: The Black Death in the Fourteenth Century

Автор: J. F. C. Hecker

Переводчик: Б. Г. Бабингтон

Дата выхода: 26 июня 2016 [eBook #52413]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Типсом Холливеллом thiers@mydigimail.net, Арчибальд Огден-Смит a.f.ogden.smith@gmail.com, и Команда онлайн-распределенной корректуры <http://www.pgdp.net>. (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE BLACK DEATH IN THE FOURTEENTH CENTURY ***

Примечания транскриптора:

Текст этой книги сохранен в оригинале (включая пунктуационные нарушения); архаичные и непоследовательные написания сохранены, за исключением тех случаев, когда в оригинале явно допущена ошибка.

Исправленные опечатки включают следующие:

trangressed -> transgressed

особенно -> особенно

oriental -> oriental

Орфографические несоответствия включают следующее:

medicin/medecine/медицина

монастыри/монастыри

закат/заход солнца

2/2d/2dly

Черное пунктирное подчеркивание обозначает гиперссылку на страницу или сноску; ссылки подсвечиваются при наведении на них указателя мыши. Номера страниц указаны на правом поле, а сноски - в конце.

Текст содержит типографские символы, которые не всегда корректно отображаются на всех устройствах просмотра. Для наилучшего просмотра следует установить кодировку символов

на устройстве в Unicode (UTF-8) и выбрать шрифт Unicode, например Arial Unicode MS, DejaVu, Segoe UI Symbol или FreeSerif.

На пустую обложку книги добавлен заголовок.

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ В ЧЕТЫРНАДЦАТОМ ВЕКЕ,

С НЕМЕЦКОГО И. Ф. К. ХЕККЕРА, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ.

ПРОФЕССОРА УНИВЕРСИТЕТА ФРЕДЕРИКА УИЛЬЯМА В БЕРЛИНЕ И ЧЛЕНА
РАЗЛИЧНЫХ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ В БЕРЛИНЕ, БОННЕ, КОПЕНГАГЕНЕ,
ЭРЛАНГЕНЕ, ХАНАУ, ЛОНДОНЕ, ЛИОНЕ, МЕТЦЕ, НЕАПОЛЕ, НЬЮ-ЙОРКЕ,
ФИЛАДЕЛЬФИИ И ЦЮРИХЕ.

ПЕРЕВОД Б. Г. БАБИНГТОНА, М. Д.

ЛОНДОН:
А. ШЛОСС, ИНОСТРАННЫЙ КНИГОТОРГОВЕЦ,
109, STRAND.

1833.

СОДЕРЖАНИЕ.

Предисловие переводчика	i
Предисловие	ix
Глава I. -Общие замечания	1
Глава II. -Болезнь	4
Глава III. -Причины -Распространение	28
Глава IV. -Смертность	54
Глава V. -Моральные последствия	82
Глава VI. -Врачи	128
Приложение	
-	
I. -Древняя песня флагеллантов	172
II. -Суд над евреями, обвиненными в отравлении колодцев	181
III. -Выдержки из книги "Бок или совет против пота или потогонной болезни"	191

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Читая рассказ доктора Геккера о Черной смерти, уничтожившей столь значительную часть человечества в XIV веке, я был поражен не только своеобразием взглядов автора, но и интересным характером собранных им фактов. Некоторые из них никогда прежде не становились общеизвестными, а другие ушли из памяти, будучи вычеркнуты из нее последующими событиями подобного рода, которые, хотя на самом деле имеют меньший размах и значение, в перспективе времени кажутся более значительными, поскольку произошли ближе к нашим дням.

Как бы ни был ужасен описанный здесь мор, и мало где он был сильнее, чем в Англии, наши современные историки лишь слегка упоминают о его посещении: Хьюм считает достаточным посвятить ему один абзац, Генри и Рапин столь же кратки.

Поэтому для медиков и даже для широкого читателя не будет неприемлемым получить достоверный и несколько подробный рассказ об одном из величайших природных бедствий, когда-либо обрушивавшихся на человеческую расу.

Однако главным мотивом для перевода этой небольшой работы, да еще в данный период, было желание, чтобы при изучении причин, породивших и распространивших всеобщие моры, а также моральных последствий, к которым они привели, были приняты наиболее широкие взгляды. Контагионист и антиконтагионист могут найти достаточную поддержку своим убеждениям в конкретных случаях; Но при построении теории, достаточно всеобъемлющей для объяснения происхождения и распространения универсальных болезней, мы не только увидим недостаточность любой из доктрин, взятых по отдельности, но и, признав совместное влияние обеих, даже тогда обнаружим, что наши взгляды слишком узки, и будем вынуждены, пытаясь объяснить факты, признать существование неизвестных сил, совершенно не связанных ни с общением через контакт, ни с атмосферным загрязнением.

Я ни в коем случае не хочу, чтобы это было понято, что я принял взгляды автора относительно астральных и теллурических влияний, первые из которых, по крайней мере, я предполагал, были, вместе с алхимией и магией, давно преданы забвению; тем более я не готов присоединиться к его представлению, или, скорее, древнему представлению, полученному с Востока и возрожденному им, об органической жизни в системе вселенной. Мы постоянно получаем доказательства того, что то, что влияет на жизнь, само не является живым; И независимо от того, обращаемся ли мы к земле за выдохами, к воздуху за электрическими явлениями, к небесным телам за влиянием на нашу планету, или ко всем этим причинам вместе взятым, за образованием какого-то неизвестного принципа, вредного для существования животных, все равно, если мы основываем наши рассуждения на установленных фактах, мы не можем увидеть ничего в этом огромном поле для физических исследований, что не управлялось бы, очевидно, законами инертной материи, ничего, что напоминало бы регулярную последовательность рождения, роста, распада, смерти и возрождения, наблюдаемую в организованных существах. Поэтому предполагать причины, существование которых мы не можем доказать, чтобы объяснить эффекты, которые, в конце концов, они не объясняют, не дает никакого реального прогресса в знаниях, и вряд ли может рассматриваться иначе, чем косвенный метод признания нашего невежества.

Тем не менее, я считаю мнения автора, проиллюстрированные рядом интересных фактов, старательно собранных из достоверных источников, по крайней мере, достойными

изучения, прежде чем мы их отвергнем, и ценными, поскольку они дают обширные данные, на которых можно строить новые теории.

У меня есть и другой, возможно, мне будет позволено сказать лучший, мотив для того, чтобы представить моим соотечественникам это повествование о страданиях прошлых веков, - чтобы, сравнив их с теми, что выпали на нашу долю в наше время, мы могли еще больше осознать, насколько легка карающая рука Провидения на нынешнее поколение и как много оснований, следовательно, у нас есть, чтобы чувствовать благодарность за милость, оказанную нам.

С этой целью публикация была намеренно несколько отложена, чтобы она появилась в тот момент, когда можно предположить, что мысли людей будут особенно направлены на приближающийся час публичного благодарения, и когда знание о том, чего они избежали, а также о том, что они претерпели, может усилить их благочестивые чувства по этому торжественному случаю.

Когда мы узнаем, что в XIV веке четверть населения старого мира была уничтожена за четыре года, а некоторые страны, в том числе Англия, потеряли более чем вдвое больше жителей за несколько месяцев, мы можем поздравить себя с тем, что наше посещение не было подобно их, и не заслужим насмешек, если принесем смиренную благодарность "Создателю и Хранителю всего человечества" за наше избавление.

Мы также не посрамим своих чувств, если в качестве компенсации за оскорбления и недоброжелательность, которыми нас так щедро одаривала общественность, испытаем легкое чувство благодарности к тем членам общества, которые, рискуя жизнью и жертвуя своими личными интересами, пытались остановить развитие зла и облегчить страдания своих собратьев.

В конце приложения я добавил несколько выдержек из небольшого труда, написанного черным шрифтом, под названием "Бок или совет против болезни, обычно называемой потливостью или потной болезнью", опубликованного Кайусом в 1552 году. Она была написана за три года до его латинского трактата на ту же тему и является настолько причудливой и, в то же время, настолько иллюстрирующей мнения своего времени и даже мнения четырнадцатого века о причинах всеобщих болезней, что процитированные мной отрывки не могут не развлечь, равно как и не научить. Если я и поддался искушению перепечатать большее количество этой любопытной работы, чем было необходимо для моей основной цели, то только из убеждения, что читателю будет полезно узнать некоторые подробности об образе жизни в шестнадцатом веке, а также понаблюдать за тем, как автор осуждает вырождение и легкоеверие эпохи, в которой он жил. Его советы по выбору медицинского работника не могут быть слишком настоятельно рекомендованы, по крайней мере, *врачом*; а его предостережение против шарлатанства, особенно шарлатанства *художников*, которые "за спиной у вас разбрасывают (*quære score?*) свои лекарства, настолько мерзкие, что мне стыдно их называть", кажется вполне пророческим.

В заключение я хотел бы признать долг, которым я обязан моему другу г-ну Х. Э. Ллойд, чье близкое знакомство с немецким языком и литературой, я надеюсь, будет воспринято как достаточный залог того, что в переводе, который он любезно пересмотрел, не останется очень важных ошибок.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Перед нами открывается важная страница мировой истории. Она повествует о потрясении человеческой расы, не имеющем себе равных по жестокости и масштабам. В ней говорится о невероятных бедствиях, отчаянии и необузданных демонических страстях. Она показывает нам бездну всеобщей разнузданности, вызванную всеобщей моровой язвой, которая распространилась от Китая до Исландии и Гренландии.

Побуждение раскрыть этот образ давно ушедшей эпохи очевидно. Новый мор достиг почти таких же масштабов, и хотя он менее грозен, но отчасти вызвал, отчасти обозначил аналогичные явления. Его причины и распространение по Азии и Европе требуют от нас всестороннего рассмотрения, поскольку оно позволяет проникнуть в организм мира, в котором совокупность органической жизни подчиняется великим силам природы. Человеческие знания еще недостаточно развиты, чтобы обнаружить связь между процессами, происходящими над и под поверхностью земли, или даже полностью изучить законы природы, знакомство с которыми было бы необходимо, не говоря уже о том, чтобы применить их к великим явлениям, в которых одна пружина приводит в движение тысячи других.

С этой стороны, следовательно, такой точки зрения не найти, если мы не хотим потерять себя в дебрях догадок, которыми мир и так слишком полон: но ее можно найти в обширном и плодотворном поле исторических исследований.

История, это зеркало человеческой жизни во всех ее проявлениях, предлагает, даже для всеобщих пакостей, неисчерпаемую, хотя и малоисследованную, копилку фактов; и здесь она утверждает свое достоинство, как философия реальности, восхищающаяся истиной.

В соответствии с ее духом можно представить всеобщие моры как события, затрагивающие весь мир, объяснить их возникновение сравнением схожих явлений, при котором факты говорят сами за себя, поскольку они, по-видимому, вытекают из высших законов, управляющих ходом существования человечества. Космическое происхождение и конвульсивное возбуждение, приводящее к самым важным последствиям среди народов, подверженных им, - вот наиболее яркие черты, на которые история указывает во всех всеобщих морах. Последние, однако, принимают весьма различные формы, как в их нападении на общий организм, так и в их распространении; в этом отношении заметно развитие от формы к форме, в течение веков, так что история мира делится на большие периоды, в которые преобладали положительно определенные моры. Насколько простираются наши летописи, о них можно получить более или менее определенную информацию.

Но эта часть истории медицины, которая оказывает столь разнообразное и мощное влияние на историю мира, еще находится в зачаточном состоянии. Ради чести той науки, которая должна повсюду направлять действия человечества, мы вынуждены выразить пожелание, чтобы она нашла место для расцвета среди той буйной растительности, которой, к несчастью, обременено поле немецкой медицинской науки.

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ.

ГЛАВА I.

Общие замечания.

То всемогущество, которое создало мир со всеми его живыми существами в единое одушевленное существо, особенно ярко проявляет себя в опустошениях великих морей. Силы творения приходят в жестокое столкновение; знойная сухость атмосферы, подземные громы, туман переполненных вод - предвестники разрушения. Природа не довольствуется обычным чередованием жизни и смерти, и Ангел-разрушитель замахивается на человека и зверя своим огненным мечом.

Эти революции происходят в огромных циклах, которые дух человека, ограниченный узким кругом восприятия, не в состоянии исследовать. Однако они являются более значительными земными событиями, чем любые из тех, что происходят от раздоров, бедствий или страстей народов. Уничтожением они пробуждают новую жизнь; и когда буря над и под землей заканчивается, природа обновляется, а разум пробуждается от оцепенения и депрессии к сознанию интеллектуального существования.

Если бы в какой-то степени человеческие исследования были в состоянии составить в яркой и связной форме исторический очерк таких могущественных событий, как это делают историки войн и сражений, переселений народов, мы могли бы тогда прийти к ясным взглядам в отношении умственного развития человеческой расы, и пути Провидения стали бы более ясными. Тогда стало бы очевидным, что на разум народов оказывает глубокое влияние разрушительный конфликт сил природы и что великие катастрофы приводят к поразительным изменениям в общей цивилизации. Для все, что есть в человеке, будь то добро или зло, становится заметным при наличии большой опасности. Его самые сокровенные чувства пробуждаются, мысль о самосохранении овладевает его духом, самоотречение подвергается суровому испытанию, и там, где царят тьма и варварство, там испуганный смертный бежит к идолам своего суеверия, и все законы, человеческие и божественные, преступно нарушаются.

В соответствии с общим законом природы, такое состояние возбуждения влечет за собой изменения, благотворные или пагубные, в зависимости от обстоятельств, так что народы либо достигают более высокой степени нравственного достоинства, либо еще глубже погружаются в невежество и порок. Все это, однако, происходит в гораздо больших масштабах, чем обычные превращения войны и мира или взлет и падение империй, потому что силы природы сами производят чуму и подчиняют себе человеческую волю, которая в спорах народов преобладает одна.

ГЛАВА II.

Болезнь.

Самым запоминающимся примером того, о чем шла речь, является великий мор XIV века, который опустошил Азию, Европу и Африку и о котором люди до сих пор хранят воспоминания в мрачных преданиях. Это была восточная чума, характеризующаяся воспалительными нарывами и опухолями желез, которые не возникают ни при одной другой лихорадочной болезни. Из-за этих воспалительных фурункулов и черных пятен,

свидетельствующих о гнилостном разложении, которые появлялись на коже, в Германии и северных королевствах Европы ее называли *Черной смертью*, а в Италии - Великой *смертностью* (la Mortalega Grande)¹.

О симптомах и течении болезни сохранилось немного свидетельств, но и их достаточно, чтобы пролить свет на форму заболевания, и они заслуживают доверия, поскольку совпадают с признаками той же болезни в наше время.

Имперский писатель Кантакузен², чей собственный сын Андроник умер от этой чумы в Константинополе, отмечает большие **нагноения**³ на бедрах и руках заболевших, которые, когда их вскрывали, приносили облегчение за счет выделения неприятного вещества. Бубоны, которые являются безошибочными признаками восточной чумы, таким образом, явно указываются, поскольку он отдельно упоминает о небольших нарывах на руках и на лице, а также в других частях тела, и четко отличает их от **волдырей**⁴, которые не менее часто образуются при чуме во всех ее формах. Во многих случаях по всему телу появлялись черные **пятна**⁵, либо одиночные, либо объединенные и сливающиеся.

Эти симптомы встречались не во всех случаях. Во многих случаях только одного из них было достаточно, чтобы наступила смерть, в то время как некоторые пациенты, вопреки ожиданиям, выздоравливали, хотя страдали от всех. Симптомы поражения цефалии были частыми; многие пациенты впадали в оцепенение и погружались в глубокий сон, теряя и речь из-за паралича языка; другие оставались без сна и отдыха. Слизистые оболочки и язык были черными и как будто налитыми кровью; никакие напитки не могли утолить жгучую жажду, так что страдания продолжались без облегчения до самой смерти, которую многие в своем отчаянии ускоряли собственными руками. Заразительность болезни была очевидна, так как больные заражали своих родственников и друзей, и многие дома в столице лишились даже последнего обитателя. Таким образом, произошли обычные обстоятельства, характерные только для восточной чумы. Однако с этой чумой были связаны еще более глубокие страдания, каких не испытывали в другие времена; органы дыхания были охвачены гнилостным воспалением; сильная боль в груди нападала на больного; кровь отхаркивалась, а дыхание распространяло ядовитый запах.

На Западе при вспышке этой болезни преобладали следующие симптомы.⁶ Жгучая лихорадка, сопровождаемая отхождением крови, приводила к летальному исходу в первые три дня. Похоже, что бубоны и воспалительные фурункулы сначала вообще не появлялись, а болезнь в виде карбункулярного (*сибиреязвенного*) поражения легких приводила к уничтожению жизни до появления других симптомов.

Так чума свирепствовала в Авиньоне в течение шести или восьми недель, и язвенное дыхание больных, отхаркивавших кровь, вызывало страшную заразу далеко и близко; ведь даже соседство с заболевшими чумой означало верную **смерть**⁷, так что родители отказывались от своих зараженных детей, и все родственные связи были разорваны. После этого периода появились бубоны в подмышечной впадине и в паху, а также воспалительные нарывы по всему телу; но только через семь месяцев после этого некоторые пациенты выздоровели с созревшими бубонами, как при обычной, более легкой форме чумы.

Таков отчет отважного Ги де Шольяка, который подтвердил честь медицины, бросив вызов опасности, смело и постоянно оказывая помощь больным и презрев оправдания своих коллег, придерживавшихся арабского мнения, что медицинская помощь бесполезна, а зараза оправдывает бегство. Он дважды видел чуму в Авиньоне: сначала в 1348 году, с

января по август, а затем двенадцать лет спустя, осенью, когда она вернулась из Германии и в течение девяти месяцев сеяла всеобщее бедствие и ужас. В первый раз она свирепствовала в основном среди бедняков, а в 1600 году, в 1360 году, больше среди высших классов. Теперь она также уничтожила множество детей, которых раньше щадила, и лишь немногих женщин.

Подобное наблюдалось и в Египте.⁸ Здесь также преобладало воспаление легких, которое быстро и безошибочно разрушалось, сопровождаясь жгучим жаром и отхаркиванием крови. Здесь также дыхание больных распространяло смертельную заразу, и человеческая помощь была столь же тщетной, сколь и губительной для тех, кто приближался к зараженному.

Боккаччо, который был очевидцем невероятной смертности во Флоренции, месте возрождения науки, дает более живое описание приступа болезни, чем его современники, не занимавшиеся [медициной](#)⁹.

Здесь она началась не так, как на Востоке, с кровотечения из носа, верного признака неизбежной смерти; но вначале появились опухоли в паху и в подмышечной впадине, разной окружности, величиной с яблоко или яйцо, и называемые в народе паразитами (*gavoccioli*). Затем подобные опухоли появлялись без разбора на всех частях тела, а на руках, бедрах и других частях появлялись черные или синие пятна, либо одиночные и крупные, либо мелкие и густо усыпанные. Эти пятна оказались одинаково смертельными с нарывами, которые с самого начала считались верным признаком смерти.¹⁰ Никакие средства медицины не приносили облегчения - почти все умирали в течение первых трех дней, некоторые раньше, некоторые позже, после появления этих признаков, и в большинстве случаев совершенно без [лихорадки](#)¹¹ или других симптомов. Чума распространялась с еще большей яростью, передаваясь от больных к здоровым, как огонь среди сухого и жирного топлива, и даже контакт с одеждой и другими предметами, которыми пользовались зараженные, казалось, вызывал болезнь. По мере ее распространения заболевали и вскоре умирали не только люди, но и животные, если они прикасались к вещам, принадлежавшим больным или мертвым. Так, Боккаччо сам видел, как две свиньи, сидевшие на тряпках умершего от чумы человека, после непродолжительного шатания упали замертво, как будто приняли яд. В других местах множество собак, кошек, птиц и других животных стали жертвами этой [заразы](#)¹²; надо полагать, что имели место и другие эпизоотии среди животных, хотя невежественные писатели XIV века об этом умалчивают.

В Германии во всех отношениях повторялись те же явления. Там, как и везде, были обнаружены безошибочные признаки восточной бубонной чумы с ее неизбежным заражением; но смертность была не столь велика, как в других частях Европы.¹³ Не во всех хрониках упоминается отхаркивание крови, диагностический симптом этой смертельной чумы; однако из этого не следует делать вывод о значительном смягчении или изменении болезни, поскольку мы должны принимать во внимание не только дефектность хроник, но и то, что отдельные свидетельства часто противоречат многим другим. Так, хроникам Страсбурга, в которых говорится только о фурункулах и набухании желез в подмышечных впадинах и [паху](#)¹⁴, противостоит другой рассказ, согласно которому смертельное сплевывание крови встречалось в Германии¹⁵, но и он вызывает подозрения;¹⁵ Но и это вызывает подозрения, поскольку рассказчик откладывает смерть заболевших на шестой и (даже) восьмой день, тогда как ни один другой автор не санкционирует столь длительное течение болезни; и даже в Страсбурге, где можно с большой долей вероятности предположить смягчение чумы, поскольку в 1349 году было унесено всего 16 000 человек, большинство умерло на третий или четвертый день.¹⁶ В Австрии, особенно в Вене, чума была столь же злокачественной, как и везде, так что больные с красными пятнами и черными

нарывами, а также с опухолевидными железами умирали примерно на третий [день17](#) ; и наконец, на побережье Северного моря и в Вестфалии очень часто случались внезапные смерти без дальнейшего развития [болезни18](#).

Во Францию эта чума пришла в северном направлении из Авиньона и была там более разрушительной, чем в Германии, так что во многих местах в живых осталось не более двух из двадцати жителей. Многих поражало, словно молнией, и они умирали на месте, причем чаще молодые и сильные, чем старые; больные с увеличенными железами в подмышечных впадинах и пахах едва выдерживали два-три дня; и не успевали эти роковые признаки появиться, как они прощались с миром и искали утешения только в отпущении грехов, которое папа Климент VI обещал им в час [смерти19](#).

В Англии, как и в Авиньоне, болезнь проявлялась с отхаркиванием крови и с той же фатальностью, так что больные, страдавшие этим симптомом или рвотой кровью, умирали в одних случаях сразу, в других - через двенадцать часов или, самое позднее, через два дня.[20](#) Воспалительные нарывы и пузыри в паху и подмышечных впадинах были сразу же признаны предвещающими фатальный исход, и те, у кого они появлялись в большом количестве по всему телу, теряли всякую надежду на выздоровление. Только ближе к концу чумы осмелились вскрыть разрезом эти твердые и сухие нарывы, когда из них в небольшом количестве вытекала материя, и таким образом, принудив природу к критическому нагноению, спасли многих пациентов. Каждое место, к которому прикасался больной, его дыхание, его одежда, распространяло заразу; и, как и во всех других местах, обслуживающий персонал и друзья, которые либо были слепы к их опасности, либо героически презирали ее, падали жертвой своего сочувствия. Даже глаза больного считались источником заразы,[21](#) которая могла действовать на расстоянии, то ли из-за их незаслуженного блеска или искажения, которому они всегда подвергаются при чуме, то ли в соответствии с древним представлением, согласно которому зрение считалось носителем демонического очарования. Бегство из зараженных городов редко помогало страждущим, так как зародыш болезни прилипал к ним, и они заболевали вдали от помощи, в уединении своих загородных домов.

Таким образом, чума распространялась по Англии с беспримерной быстротой после того, как она впервые вспыхнула в графстве Дорсет, откуда продвинулась через графства Девон и Сомерсет до Бристоля, а затем достигла Глостера, Оксфорда и Лондона. Вероятно, немногие места спаслись, а может быть, и ни одно; ведь летописи современников сообщают, что по всей стране в живых осталась лишь десятая часть жителей.[22](#)

Из Англии заразу перевезли на корабле в Берген, столицу Норвегии, где чума разразилась в самой страшной форме, с рвотой кровью, и по всей стране, пощадив не более трети жителей. Моряки не находили убежища на своих кораблях, и часто можно было видеть, как суда разъезжали по океану и дрейфовали у берега, экипажи которых погибли до последнего человека.[23](#)

В Польше на зараженных нападало кровохарканье, и они умирали за несколько дней в таком огромном количестве, что, как утверждали, от жителей оставалась едва ли четвертая [часть24](#).

Наконец, в России чума появилась на два года позже, чем в Южной Европе, но опять-таки с теми же симптомами, что и в других странах. Русские современники писали, что она начиналась с окоченения, жара и пронизывающей боли в плечах и спине, сопровождалась

отхаркиванием крови и заканчивалась смертельным исходом через два, максимум три дня. Только в 1360 году мы находим упоминания о пузырях на шее, в подмышечных впадинах и в паху, которые, как утверждается, появлялись, когда отхаркивание крови продолжалось некоторое время. Однако, судя по опыту Западной Европы, нельзя утверждать, что эти симптомы не появлялись в более ранний [период](#)²⁵.

Вот так много сведений о природе Черной смерти, почерпнутых из достоверных источников. Приведенные описания содержат, за несколькими несущественными исключениями, все симптомы восточной чумы, которые наблюдались в более современные времена. В этом вопросе не может быть никаких сомнений. Факты ясно видны перед нашими глазами. Мы должны, однако, помнить, что эта жестокая болезнь не всегда проявляется в одной и той же форме, и что, хотя сущность яда, который она производит и который так обильно выделяется из тела больного, остается неизменной, она протеифицирована в своих разновидностях, от почти незаметной везикулы, не сопровождаемой лихорадкой, которая существует некоторое время, прежде чем она распространит свой яд внутрь, а затем возбудит лихорадку и бубоны, до смертельной формы, в которой карбункулярные воспаления падают на самые важные внутренности.

Именно такую форму приняла чума в XIV веке, ибо сопутствующее заболевание грудной клетки, которое проявлялось во всех странах, о которых мы получили хоть какие-то сведения, при сравнении с аналогичными и знакомыми симптомами не может рассматриваться иначе, как воспаление легких современной [медицины](#)²⁶, болезнь, которая в настоящее время проявляется лишь спорадически и, благодаря гнилоственному разложению жидкостей, вероятно, сочетается с кровотечениями из сосудов легких. Так как каждый карбункул, будь то кожный или внутренний, в изобилии выделяет заразную материю, которая его породила, то, следовательно, дыхание пораженных должно быть ядовитым при этой чуме, и по этой причине его заразительная сила удивительно возрастает; Поэтому неопровержимо мнение, что из-за скопления больных заражались не только отдельные палаты и дома, но и целые города, которые, к тому же, в средние века были, за редким исключением, тесно построены, содержались в грязном состоянии и были окружены застойными канавами.²⁷ Бегство, как следствие, не помогало робким; ведь даже если они старательно избегали общения с больными и подозреваемыми, их одежда была пропитана вредоносной атмосферой, а каждое дуновение передавало им семена губительного недуга, которые в большинстве случаев прорастали с излишней плодовитостью. К этому следует добавить обычное распространение чумы через одежду, постель и тысячу других вещей, к которым прилипает яд, - распространение, которое из-за отсутствия осторожности должно было бесконечно умножаться; а поскольку предметы такого рода, удаленные от доступа воздуха, не только сохраняют заразную материю на неопределенный срок, но и усиливают ее активность и порождают ее как живое существо, страшные последствия последовали в течение многих лет после того, как первая ярость моровой язвы прошла.

Поражение желудка, о котором часто упоминается в туманных выражениях, а иногда и как рвота кровью, несомненно, было лишь второстепенным симптомом, даже если признать, что гематемезис действительно имел место. Ведь для немедиков трудность отличить поток крови из желудка от легочного отхаркивания этой жидкости даже в обычных случаях немалая. Насколько же сильнее она должна была быть при такой страшной болезни, когда помощники не могли решиться подойти к больному, не подвергая себя верной смерти? До нас дошли только два медицинских описания этой болезни: одно - отважного *Ги де Шолиака*, другое - *Раймонда Шалина де Винарио*, очень опытного ученого, который был хорошо знаком с наукой своего времени. Первый обращает внимание только на

смертельный кашель с кровью; второй, помимо этого, отмечает эпистаксис, гематурию и истечение крови из кишечника как симптомы столь явной и быстрой смертности, что пациенты, у которых они наблюдались, обычно умирали в тот же или на следующий день.²⁸

То, что рвота кровью, возможно, имела место, а может быть, даже была распространена во многих местах, ни в коем случае нельзя отрицать, исходя из природы болезни; ведь любое гнилостное разложение жидкостей порождает склонность к кровотечениям всех видов. Здесь, однако, речь идет об исторической достоверности, которая, после этих сомнений, ни в коем случае не установлена. Если бы не столь быстрая смерть, последовавшая за отхаркиванием крови, мы, несомненно, получили бы более подробные сведения о других кровоизлияниях; но болезнь не успела распространить свое действие дальше на конечности сосудов. Однако после того, как первый приступ ярости прошел, болезнь перешла в обычную лихорадочную форму восточной чумы. Внутренних, карбункулярных воспалений уже не было, а кровоизлияния стали явлениями, не более существенными при этом, чем при других лихорадочных заболеваниях. Чалин, который наблюдал не только *большую смертность* 1348 года и чуму 1360 года, но и 1373 и 1382 годов, говорит о *поражении горла* и описывает *черные пятна* у больных чумой более удовлетворительно, чем кто-либо из его современников. Первые появлялись лишь в редких случаях и заключались в карбункулярном воспалении глотки с затруднением глотания, вплоть до удушья, к которому в некоторых случаях добавлялось воспаление церуминозных желез ушей с опухолями, вызывающими сильное уродство. Такие пациенты, как и другие, страдали отхаркиванием крови; но обычно они умирали не раньше шестого, а иногда даже на четырнадцатый день.²⁹ Подобные случаи, как известно, нередки и при других морах; так же как и волдыри на поверхности тела в разных местах, вблизи которых возникали опухолевидные железы и воспалительные нарывы, окруженные обесцвеченными и черными полосами, что свидетельствовало о приеме яда. Эти полосатые пятна назывались, по меткому сравнению, *поясом*, и этот вид справедливо считался чрезвычайно *опасным*³⁰.

ГЛАВА III.

ПРИЧИНЫ.

Исследование причин Черной смерти не может не принести важных результатов в изучении чумы, посетившей мир, хотя оно не может продвинуться дальше обобщения, не заходя в область до сих пор неосвоенную и до сих пор совершенно неизвестную. Ему предшествовали могучие революции в организме Земли, о которых мы имеем достоверные сведения. От Китая до Атлантики основы земли были потрясены, во всей Азии и Европе атмосфера была в смятении и подвергала опасности своим пагубным влиянием как растительную, так и животную жизнь.

Череда этих великих событий началась в 1333 году, за пятнадцать лет до того, как в Европе разразилась чума: впервые они проявились в Китае. Здесь на территории, омываемой реками Кианг и Хоай, началась изнурительная засуха, сопровождавшаяся голодом. За этим последовали такие сильные ливни в Кинсae и его окрестностях, тогдашней столице империи, что, по преданию, более 400 000 человек погибли от наводнения. В конце концов, гора Цинчеу обрушилась, и в земле образовались огромные расщелины. В следующем году

(1334), минуя сказочные предания, наводнения посетили окрестности Кантона, а в Тче, после беспримерной засухи, разразилась чума, которая, как говорят, унесла около 5 000 000 человек. Через несколько месяцев после этого последовало землетрясение в Кингсае и его окрестностях, а после обрушения гор Ки-минг-чан образовалось озеро более ста лиг в окружности, где снова тысячи людей нашли свою могилу. В Хоу-куанге и Хо-нане в течение пяти месяцев царил засуха; бесчисленные стаи саранчи уничтожали растительность, а голод и мор, как обычно, следовали за ними по пятам. Связных рассказов о состоянии Европы перед этой великой катастрофой от писателей XIV века ожидать не приходится. Однако примечательно, что одновременно с засухой и повторными наводнениями в Китае в 1336 году на севере Франции наблюдалось множество необычных атмосферных явлений, а зимой - частые грозы; и уже в богатом событиями 1333 году произошло извержение Этны.³¹ Согласно китайским летописям, в 1337 году в окрестностях города Кианг от голода погибло около 4 000 000 человек; ливни, стаи саранчи и землетрясение, продолжавшееся шесть дней, произвели невероятные опустошения. В том же году во Франконии появились первые стаи саранчи, которые в следующем году сменились мириадами этих насекомых. В 1338 году Кингсай посетило землетрясение продолжительностью в десять дней; в это же время Франция пострадала от неурожая; и с тех пор, вплоть до 1342 года, в Китае постоянно происходили наводнения, землетрясения и голод. В том же году в окрестностях Рейна и во Франции произошли великие наводнения, которые нельзя было объяснить только дождями; ведь повсюду, даже на вершинах гор, пробивались источники, и сухие участки необъяснимым образом оказывались под водой. В следующем году гора Хонг-чанг в Китае обрушилась и вызвала разрушительный потоп; а в Пьен-чеу и Леанг-чеу после трехмесячного дождя последовали неслыханные наводнения, разрушившие семь городов. В Египте и Сирии произошли сильные землетрясения, а в Китае они с этого времени становились все более и более частыми; в 1344 году они повторились в Вен-тчеу, где вследствие этого разлилось море; в 1345 году в Ки-тчеу, а в оба последующих года в Кантоне, с подземными громами. Тем временем наводнения и голод опустошали различные районы вплоть до 1347 года, когда ярость стихии в Китае [утихла](#)³².

Признаки земных волнений начались в Европе в 1348 году, после того как, вероятно, таким же образом были посещены и соседние районы Азии.

На острове Кипр уже разразилась чума с Востока, когда землетрясение потрясло фундамент острова и сопровождалось таким страшным ураганом, что жители, убившие своих рабов-магометан, чтобы самим не быть покоренными ими, в ужасе бежали во все стороны. Море переполнилось, корабли разбились о скалы, и лишь немногие пережили это ужасное событие, в результате которого этот плодородный и цветущий остров превратился в пустыню. Перед землетрясением вредоносный ветер распространял такой ядовитый запах, что многие, одолев его, внезапно падали и умирали в страшных [муках](#)³³.

Это явление - одно из самых редких, которые когда-либо наблюдались, ведь нет ничего более постоянного, чем состав воздуха; и ни в одном отношении природа не была более заботлива в сохранении органической жизни. Никогда еще натуралисты не обнаруживали в атмосфере чужеродных элементов, которые, очевидные для органов чувств и переносимые ветрами, распространялись с суши на землю, разнося болезни по целым участкам земли, как это, по преданию, произошло в 1348 году. Поэтому тем больше приходится сожалеть, что в этот необычный период, когда из-за низкого уровня развития науки не хватало точных наблюдателей, было зафиксировано так мало сведений о необычных явлениях в воздухе, на которые можно положиться. Тем не менее, в немецких рассказах прямо говорится, что густой, зловонный туман пришел с востока и распространился над Италией;³⁴ и не могло

быть и речи о столь явном явлении.³⁵ Достоверность неприкрашенных традиций, как бы мало они ни удовлетворяли физическим исследованиям, едва ли может быть поставлена под сомнение, если мы рассмотрим связь событий; ведь именно в это время землетрясения были более распространены, чем когда-либо в истории. В тысячах мест образовались пропасти, из которых вырывались ядовитые пары; а поскольку в то время природные явления превращались в чудеса, сообщалось, что огненный метеор, упавший на землю далеко на востоке, уничтожил все в радиусе более ста лиг, заразив воздух далеко и [вширь](#)³⁶. Последствия бесчисленных наводнений способствовали тому же эффекту; обширные районы рек были превращены в болота; повсюду поднимались дурные испарения, усиленные запахом гнилой саранчи, которая, возможно, никогда не затмевала солнце более густыми [стаями](#)³⁷, и бесчисленных трупов, которые даже в хорошо управляемых странах Европы не знали, как достаточно быстро убрать с глаз живых. Поэтому вполне вероятно, что атмосфера в значительной степени содержала чужеродные и ощутимые примеси, которые, по крайней мере в нижних регионах, не могли быть разложены или выведены из строя путем разделения.

Теперь, если вернуться к симптомам болезни, яростное воспаление легких указывает на то, что органы дыхания поддались атаке атмосферного яда - яда, который (если мы признаем независимое происхождение Черной чумы в любом месте земного шара, в чем, при столь необычных обстоятельствах, было бы трудно усомниться) атаковал кровообращение столь же враждебным образом, как тот, что вызывает воспаление селезенки, и другие животные заразы, вызывающие опухание и воспаление лимфатических желез.

Проследивая дальнейший ход этих грандиозных революций, мы узнаем о беспрецедентном землетрясении, которое 25 января 1348 года потрясло Грецию, Италию и соседние страны. Неаполь, Рим, Пиза, Болонья, Падуя, Венеция и многие другие города значительно пострадали: целые деревни были поглощены. Замки, дома и церкви были разрушены, а сотни людей погребены под их руинами.³⁸ В Каринтии тридцать деревень вместе со всеми церквями были разрушены; более тысячи трупов были извлечены из мусора; город Виллах был настолько полностью разрушен, что спаслись лишь немногие его жители; а когда земля перестала дрожать, оказалось, что горы сдвинулись со своих мест, а многие деревушки лежали в руинах.³⁹ Записано, что во время этого землетрясения вино в бочках стало мутным, что можно считать доказательством того, что произошли изменения, вызвавшие разложение атмосферы; но если бы у нас не было другой информации, на основании которой можно было бы сделать вывод о возбуждении конфликтующих сил природы во время этих волнений, то научные наблюдения в современное время показали, что отношение атмосферы к земле изменяется под воздействием вулканического влияния. Почему же тогда мы не можем на основании этого факта сделать ретроспективные выводы относительно этих необычных явлений?

Однако независимо от этого мы знаем, что во время этого землетрясения, продолжительность которого, по одним данным, составляла неделю, а по другим - две недели, люди испытывали необычное оцепенение и головную боль, а многие теряли [сознание](#)⁴⁰.

Эти разрушительные землетрясения распространялись вплоть до окрестностей [Базеля](#)⁴¹ и повторялись до 1360 года по всей Германии, Франции, Силезии, Польше, Англии и Дании, а также гораздо дальше на [север](#)⁴².

Во многих местах появлялись огромные и необычные метеоры, к которым относились с суеверным ужасом. Огненный столб, который 20 декабря 1348 года в течение часа оставался на восходе солнца над дворцом папы в [Авиньоне](#)⁴³; огненный шар, который в августе того же года был виден на закате над Парижем и отличался от подобных явлений большей [продолжительностью](#)⁴⁴ (не говоря уже о других случаях, перемешанных с чудесными пророчествами и предзнаменованиями), занесены в хроники той эпохи.

Порядок времен года, казалось, был перевернут, - дожди, наводнения и неурожаи были столь распространены, что немногие места были от них свободны; и хотя один историк этого века уверяет нас, что в житницах и хранилищах было [изобилие](#)⁴⁵, все его современники в один голос возражают ему. Последствия неурожая вскоре ощутились, особенно в Италии и близлежащих странах, где в этот год дождь, продолжавшийся четыре месяца, уничтожил посевы. В больших городах весной 1347 года были вынуждены прибегнуть к раздаче хлеба среди бедняков, особенно во Флоренции, где возвели большие пекарни, из которых в апреле ежедневно раздавали девяносто четыре тысячи буханок хлеба, каждая весом в двенадцать унций.⁴⁶ Однако очевидно, что гуманность могла лишь частично смягчить общее бедствие, а не полностью его ликвидировать.

Болезни, неизменное следствие голода, вспыхивали как в деревне, так и в городах; дети умирали от голода на руках у матерей, - нужда, несчастье и отчаяние были всеобщими во всем [христианстве](#)⁴⁷.

Таковы события, происходившие перед вспышкой Черной чумы в Европе. Современники объясняли их на свой манер и тем самым, как и их потомки, при сходных обстоятельствах доказывали, что смертные не обладают ни чувствами, ни интеллектуальными способностями, достаточно острыми, чтобы постичь явления, производимые земным организмом, ни тем более научно понять их последствия. Суеверие, эгоизм в тысяче форм, самонадеянность школ, ухватившихся за не связанные между собой факты. Они тщетно пытались постичь целое в отдельном человеке и не воспринимали универсальный дух, который в тесном союзе с могущественными силами природы одушевляет движения всего сущего и не позволяет ни одному явлению возникнуть из отдельных причин. Попытка спустя пять столетий после той эпохи опустошения указать на причины космической суматохи, которая никогда не повторялась в прежних масштабах, - научно обосновать влияния, вызвавшие столь ужасающий яд в телах людей и животных, - выходит за рамки человеческого понимания. Если мы даже сейчас не в состоянии, используя все разнообразные ресурсы расширенного знания природы, определить то состояние атмосферы, при котором возникают моры, то тем более мы не можем претендовать на то, чтобы рассуждать ретроспективно от девятнадцатого до четырнадцатого века; но если мы возьмем общий взгляд на происшествия, то этот век даст нам обширную информацию, и, применительно ко всем последующим временам, очень важную.

В ходе взаимосвязанных природных явлений, идущих с Востока на Запад, отчетливо проявляется тот великий закон природы, который так часто и наглядно проявлялся как в организме Земли, так и в состоянии зависящих от нее народов. В самых глубинах земного шара в 1333 году был дан тот импульс, который в течение шести с половиной лет непрерывно сотрясал поверхность земли, вплоть до западных берегов Европы. С самого начала воздух принял земное сотрясение, атмосферные воды затопили землю, а растения и животные погибли под палящим зноем. Племя насекомых было чудесным образом вызвано к жизни, как будто одушевленным существам было суждено завершить разрушение, начатое

астральными и теллурическими силами. Так из года в год продвигалась эта страшная работа природы; это была прогрессирующая инфекция Зон, которая оказывала мощное влияние как над, так и под поверхностью земли; и после того, как она была заметна в более слабых проявлениях, в начале земных волнений в Китае, судороги охватили всю землю.

Природа первой чумы в Китае неизвестна. У нас нет никаких определенных сведений об этой болезни, пока она не проникла в западные страны Азии. Здесь она проявлялась как восточная чума с воспалением легких; в такой форме она, вероятно, и началась в Китае, то есть как болезнь, которая распространяется, более чем любая другая, путем заражения - заражения, которое в обычных чумах требует непосредственного контакта, и только при неблагоприятных обстоятельствах в редких случаях передается при простом приближении к больному. Доля, которую эта причина сыграла в распространении чумы по всей земле, была, безусловно, очень велика: и мнение о том, что Черная смерть могла быть исключена из Западной Европы с помощью хороших правил, подобных тем, которые используются сейчас, имело бы все основания для современного опыта; если бы можно было доказать, что эта чума была действительно завезена с Востока; или что восточная чума вообще, как часто она появляется в Европе, всегда имеет свое происхождение в Азии или Египте. Такое доказательство, однако, не может быть приведено в исполнение, ибо оно подразумевает невозможное предположение, что либо не существует существенной разницы в степени цивилизации европейских народов в древнейшие и современные времена, либо что пагубные обстоятельства, которые уступили только цивилизации человеческого общества и регулярному возделыванию стран, не могли раньше поддерживать бубонную чуму.

Однако чума была известна в Европе еще до того, как народы объединились узами торговли и социального [общения](#)⁴⁸; поэтому есть основания предполагать, что она возникла спонтанно, вследствие грубого образа жизни и некультуренного состояния земли; влияния, которые особенно благоприятствуют возникновению тяжелых заболеваний. Теперь нам нет нужды возвращаться к более ранним векам, так как сам 14-й год, не дожив до его половины, посетили пять или шесть [морей](#)⁴⁹.

Если, таким образом, мы примем во внимание особое свойство чумы, что в странах, которые она однажды посетила, она остается долгое время в более мягкой форме, и что эпидемические влияния 1342 года, когда она появилась в последний раз, были особенно благоприятны для ее незаметного продолжения до 1348 года, мы придем к мысли, что и в этот богатый событиями год в Южной Европе существовали зародыши чумы, которые могли быть оживлены атмосферными ухудшениями; И что таким образом, по крайней мере частично, Черная чума могла возникнуть в самой Европе. Разрушение атмосферы пришло с Востока, но сама болезнь не прилетела на крыльях ветра, а была только возбуждена и усилена атмосферой, в которой она существовала ранее.

Однако этот источник Черной чумы был не единственным; ведь гораздо сильнее, чем возбуждение скрытых элементов чумы атмосферными влияниями, было воздействие заразы, передававшейся от одного народа к другому на больших дорогах и в гаванях Средиземноморья. Из Китая путь караванов лежал на север Каспийскому морю, через Среднюю Азию, в Таврию. Здесь корабли были готовы доставить продукты Востока в Константинополь, столицу торговли и средство связи между Азией, Европой и Африкой.⁵⁰ Другие караваны шли из Индии в Малую Азию и заходили в города к югу от Каспийского моря, и, наконец, из Багдада через Аравию в Египет; немаловажным было и морское сообщение по Красному морю из Индии в Аравию и Египет. Во всех этих направлениях зараза проникала в страну; несомненно, Константинополь и гавани Малой Азии следует

рассматривать как очаги инфекции, откуда она распространялась на самые отдаленные морские порты и острова.

В Константинополь чума была занесена с северного побережья Черного [моря](#)⁵¹, после того как она обезлюдела в странах между этими торговыми путями; уже в 1347 году она появилась на Кипре, Сицилии, в Марселе и некоторых морских портах Италии. Последовательно были посещены остальные острова Средиземноморья, в частности Сардиния, Корсика и Майорка. Очаги заразы существовали в полной активности и на всем южном побережье Европы, когда в январе 1348 года чума появилась в [Авиньоне](#)⁵², в других городах на юге Франции и севере Италии, а также в Испании.

Точные дни ее появления в отдельных городах уже не установить, но она не была одновременной: так как во Флоренции болезнь появилась в начале [апреля](#)⁵³, в Чезене - 1 [июня](#)⁵⁴, а в других городах она распространялась в течение всего года, так что чума, пройдя всю Францию и Германию, где, однако, она не причиняла опустошения до следующего года, вспыхнула только в августе в Англии, где она продвигалась так постепенно, что прошло три месяца, прежде чем она достигла Лондона⁵⁵. Северные королевства были атакованы ею в 1349 году. Швеция, правда, только в ноябре того же года: почти через два года после ее вспышки в Авиньоне.⁵⁶ Польша получила чуму в 1349 году, вероятно, из Германии,⁵⁷ если не из северных стран; но в России она появилась только в 1351 году, более чем через три года после того, как вспыхнула в Константинополе. Вместо того чтобы в северо-западном направлении от Тавриды и Каспийского моря, она, таким образом, совершила большой круг по Черному морю, через Константинополь, Южную и Центральную Европу, Англию, Северные королевства и Польшу, прежде чем достигла русских территорий; это явление, которое не повторялось в отношении более поздних моров, зародившихся в Азии.

Существовало ли какое-либо различие между местной чумой, возбуждаемой влиянием атмосферы, и той, что была занесена инфекцией, уже невозможно установить на основании фактов, поскольку современники, которые в целом не были компетентны в проведении точных исследований такого рода, не оставили никаких данных по этому вопросу. Несомненно, существовали более легкая и более злокачественная формы, и первая не всегда происходила от второй, как можно предположить из этого обстоятельства: плевки кровью, безошибочно диагностирующие последнюю при первом приступе чумы, не упоминаются одинаково во всех отчетах; поэтому вероятно, что более легкая форма принадлежала к местной чуме, а более злокачественная, к занесенной инфекцией. Заражение, однако, само по себе было лишь одной из многих причин, породивших Черную чуму.

Эта болезнь была следствием сильных потрясений в земном организме - если вообще можно так считать болезнь космического происхождения. Одна пружина привела в движение тысячу других для уничтожения живых существ, временных или постоянных, промежуточных или непосредственных. Самой мощной из всех была зараза; в самых отдаленных странах, едва слышавших эхо первого сотрясения, люди пали жертвой органического яда - безвременного отпрыска жизненных энергий, пришедших в буйное волнение.

ГЛАВА IV.

Смертность.

У нас нет определенного мерила, по которому можно было бы оценить разрушительные последствия Черной чумы, если бы потребовались численные данные, как в наше время. Давайте на мгновение вернемся в XIV век. Люди были еще мало цивилизованы. Церковь, конечно, покорила их, но все они страдали от последствий своей первоначальной грубости. Господство закона еще не было утверждено. Государям повсюду приходилось бороться с могущественными врагами внутреннего спокойствия и безопасности. Города были крепостями для собственной защиты. Мародеры стояли на дорогах - крестьянин был феодальным рабом, без собственного имущества. - Грубость была общей - человечность, еще неизвестная людям. - Ведьм и еретиков сжигали заживо. - Мягких правителей считали слабыми; - дикие страсти, суровость и жестокость преобладали повсюду. - Человеческая жизнь мало ценилась. - Правители не заботились о количестве своих подданных, о благополучии которых они должны были заботиться. Таким образом, первое необходимое условие для оценки человеческих потерь, а именно знание численности населения, полностью отсутствует; более того, традиционные утверждения о величине этих потерь настолько расплывчаты, что и из этого источника можно строить лишь предположения.

В Кайро, когда чума свирепствовала с наибольшей силой, ежедневно погибало от 10 до 15 тысяч человек; столько же, сколько в наше время уносила чума за все время своего существования. В Китае, как утверждается, умерло более тринадцати миллионов человек; и это в соответствии с безусловно преувеличенными данными из остальной Азии. Индия была обезлюдена. Тартария, татарское царство Капчак, Месопотамия, Сирия, Армения были покрыты трупами - курды тщетно бежали в горы. В Карамании и Кесарии не осталось ни одного живого. На дорогах, в лагерях, в караван-сараях можно было увидеть только непогребенные тела, и лишь несколько городов (арабские историки называют Маара-эль-Нуман, Шисур и Харем) непостижимым образом оставались свободными. В Алеппо ежедневно умирало 500 человек; в Газе в течение шести недель было унесено 22 000 человек и большинство животных. Кипр потерял почти всех своих [жителей](#)⁵⁸; корабли без экипажей часто видели в Средиземном море, а затем и в Северном море, они разъезжали и распространяли чуму, где бы они ни выходили на берег.⁵⁹ Папе Римскому Клименту в Авиньоне было доложено, что на всем Востоке, вероятно, за исключением Китая, жертвами чумы стали 23 840 000 человек.⁶⁰ Учитывая события XIV и XV веков, мы можем, на первый взгляд, заподозрить точность этого заявления. Как (спросите вы) могли вестись такие великие войны, предприниматься такие мощные усилия; как могла быть свергнута Греческая империя, всего сто лет спустя, если народ действительно был так полностью уничтожен?

Тем не менее, этот рассказ заслуживает доверия благодаря тому, что княжеские дворцы менее доступны для заразных болезней, чем жилища народа; и что в важных местах приток населения из тех районов, которые пострадали меньше всего, вскоре восстанавливает даже самые тяжелые потери. Мы должны также помнить, что мы не сможем многое понять на основании одних лишь цифр, не имея глубокого представления о состоянии общества. Поэтому мы ограничимся тем, что приведем некоторые из наиболее достоверных сведений о европейских городах.

Во Флоренции умерли от

черной чумы 60, 000 [61](#)

В Венеции 100, 000 [62](#)

В Марселе за один месяц	16,	000	63
В Сиене	70,	000	64
В Париже	50,	000	65
В Сен-Дени	14,	000	66
В Авиньоне	60,	000	67
В Страсбурге	16,	000	68
В Любеке	9,	000	69
В Базеле	14,	000	
В Эрфурте, по крайней мере	16,	000	
В Веймаре	5,	000	70
В Лимбурге	2,	500	71
В Лондоне, по крайней мере	100,	000	72
В Норвиче	51,	100	73
К этому можно добавить			
Францисканские монахи в Германии	124,	434	74
Минориты в Италии	30,	000	75

Этот краткий каталог можно было бы, путем кропотливых и неуверенных подсчетов, выведенных из других источников, легко еще больше умножить, но все равно это не дало бы истинного представления о произошедшей депопуляции. Любек, в то время Северная Венеция, которая уже не могла вместить толпы людей, стекавшихся к ней, был повергнут в такое смятение при вспышке чумы, что горожане уничтожали себя, словно в бешенстве.

Купцы, чьи доходы и имущество были безграничны, холодно и охотно отказывались от своих земных благ. Они несли свои сокровища в монастыри и церкви и клали их к подножию алтаря; но золото не действовало на монахов, ибо приносило им смерть. Они закрывали свои ворота, но все равно его бросали им через монастырские стены. Люди не желали препятствовать последнему благочестивому делу, на которое их толкало отчаяние. Когда чума прекратилась, людям казалось, что они все еще бродят среди мертвецов, настолько ужасающим был синюшный вид оставшихся в живых людей, вследствие пережитых ими тревог и неизбежного заражения воздуха.⁷⁶ Многие другие города, вероятно, имели подобный вид; и есть сведения, что множество небольших провинциальных городов и деревень, которые оценивались, и не слишком высоко, в 200 000 человек,⁷⁷ лишились всех своих жителей.

Во многих местах Франции в живых осталось не более двух из двадцати [жителей](#)⁷⁸, а столица ощутила на себе ярость чумы, как во дворце, так и в койке.

Две [королевы](#)⁷⁹, один [епископ](#)⁸⁰ и множество других знатных особ стали ее жертвами, и более 500 человек в день умирали в Отеле-Дье, под верным присмотром сестер милосердия, чье бескорыстное мужество в эту эпоху ужаса демонстрировало самые прекрасные черты человеческой добродетели. И хотя они погибли, очевидно, от заразы, а их число несколько раз обновлялось, все равно не было недостатка в новых кандидатах, которые, чуждые нехристианскому страху смерти, благочестиво посвятили себя своему святому призванию.

Церковные дворы вскоре оказались не в состоянии вместить [умерших](#)⁸¹, а многие дома, оставшиеся без жителей, превратились в руины.

В Авиньоне папа счел необходимым освятить Рону, чтобы тела без промедления бросали в реку, поскольку церковные дворы уже не могли их [вместить](#)⁸²; так же и во всех густонаселенных городах принимались чрезвычайные меры, чтобы быстрее избавиться от мертвых. В Вене, где в течение некоторого времени ежедневно умирало 1200 жителей из [83](#), было немедленно запрещено захоронение трупов в церковных дворах и в церквях; затем мертвые были уложены тысячами в шесть больших ям за [городом](#)⁸⁴, как это уже было сделано в Каире и Париже. И все же многих хоронили тайно; ведь во все времена люди привязаны к освященным кладбищам своих умерших и не отказываются от привычного способа погребения.

Во многих местах ходили слухи, что больных чумой хоронят [заживо](#)⁸⁵, как это иногда случается из-за бессмысленной тревоги и неприличной поспешности; и таким образом ужас страдающих людей повсюду усиливался. В Эрфурте, после того как церковные дворы были заполнены, 12 000 трупов были сброшены в одиннадцать больших ям; то же самое, более или менее точно, можно сказать обо всех крупных городах.⁸⁶ Похоронные церемонии, последнее утешение оставшихся в живых, везде были неосуществимы.

Во всей Германии, согласно вероятным подсчетам, умерло всего 1 244 [43487](#) жителей; эта страна, однако, была пощажена больше других: Италия, напротив, пострадала больше других. Говорят, что она потеряла половину своего [населения](#)⁸⁸, и этот отчет становится достоверным благодаря огромным потерям отдельных городов и провинций: Так, на Сардинии и Корсике, согласно рассказу выдающегося флорентийца Джона Виллани, которого самого унесла черная [чума](#)⁸⁹, в живых осталась едва ли третья часть населения; а о венецианцах рассказывают, что они нанимали корабли по высокой цене, чтобы отступить на острова; так что после того, как чума унесла три четверти жителей, этот гордый город остался заброшенным и опустевшим.⁹⁰ В Падуе после прекращения чумы не осталось и двух третей жителей; а во Флоренции было запрещено публиковать число умерших и звонить в колокола на их похоронах, чтобы живые не впали в [отчаяние](#)⁹¹.

У нас есть более точные сведения о стране Энг; большинство крупных городов понесли невероятные потери; прежде всего Ярмут, в котором погибло 7052 человека: Бристоль, Оксфорд, Норвич, Лестер, Йорк и Лондон, где только в одном захоронении было погребено до 50 000 трупов, уложенных слоями в большие ямы.⁹² Говорят, что во всей стране в живых осталась едва ли десятая часть;⁹³ но эта оценка, очевидно, слишком высока. Меньших потерь было достаточно, чтобы вызвать те конвульсии, последствия которых ощущались в течение нескольких столетий в виде ложного импульса, приданного гражданской жизни, и чье косвенное влияние, неизвестное англичанам, возможно, распространилось даже на современность.

Нравственность повсеместно ухудшилась, и служение Богу в значительной степени было отброшено; во многих местах церкви опустели, лишившись своих священников. Обучение народа было затруднено;⁹⁴ любостяжание стало всеобщим; а когда спокойствие было восстановлено, поразило большое количество законников, которым бесконечные споры о наследстве принесли богатый урожай. Нехватка священников по всей стране также очень пагубно сказывалась на людях (низшие классы были наиболее подвержены разрушительному воздействию чумы, в то время как дома знати были, в пропорциональном отношении, гораздо более пощажены), и это не было компенсацией, что целые группы невежественных мирян, потерявших своих жен во время моровой язвы, толпились в монашеских орденах, чтобы участвовать в респектабельности священства и в богатых наследствах, которые сыпались в церковь со всех сторон. Заседания парламента, королевской скамьи и большинства других судов были приостановлены, пока

свирепствовала болезнь. Законы мира не помогали во время владычества смерти. Папа Климент воспользовался этим беспорядком, чтобы уладить кровавую ссору между Эдуардом III и Филиппом VI; однако ему это удалось только в тот период, когда чума поддерживала мир. Смерть Филиппа (1350) аннулировала все договоры, и, как рассказывают, Эдуард, правда, с другими войсками, но с теми же вождями и рыцарями, снова вышел на поле боя. Ирландия пострадала гораздо меньше, чем Англия. Болезнь, похоже, почти не достигла горных районов этого королевства; да и Шотландия, возможно, осталась бы свободной, если бы шотландцы не воспользовались замешательством англичан, чтобы совершить вторжение на их территорию, которое закончилось уничтожением их армии чумой и мечом, а также распространением моровой язвы через тех, кто спасся, по всей стране.

В самом начале в Англии был избыток всего необходимого для жизни; но чума, которая тогда казалась единственной болезнью, вскоре сопровождалась смертельным мором среди скота. Блуждая без пастухов, они падали тысячами; и, как это наблюдалось в Африке, хищные птицы и звери, как говорят, не трогали их. Какова была природа этой чумы, невозможно определить, возникла ли она в результате общения с больными чумой или по другим причинам; но точно известно, что она началась только после начала Черной смерти. Вследствие этого мора и невозможности убрать кукурузу с полей повсеместно наблюдался большой рост цен на продовольствие, который для многих был необъясним, поскольку урожай был обильным; другие объясняли его злыми замыслами рабочих и торговцев; но он имел своим основанием фактический дефицит, возникающий в силу обстоятельств, на которых отдельные классы всегда стараются нажиться. Целый год, пока не закончился августа 1349 года, Черная чума царила на этом прекрасном острове и повсюду отравляла источники комфорта и [процветания](#)⁹⁵.

В других странах она, как правило, продолжалась всего полгода, но часто возвращалась в отдельных местах; поэтому некоторые, без достаточных доказательств, приписывали ей семилетний [срок](#)⁹⁶.

Испания непрерывно страдала от Черной чумы до 1350 года, чему в немалой степени способствовали частые внутренние распри и войны с маврами. Альфонсо XI, чья страсть к войне завела его слишком далеко, умер от нее при осаде Гибралтара 26 марта 1350 года. Он был единственным королем в Европе, который пал жертвой этой болезни; но еще до этого периода бесчисленные семьи были брошены в беде.⁹⁷ В остальном смертность в Испании, похоже, была меньше, чем в Италии, и примерно такой же значительной, как во Франции.

Весь период, в течение которого Черная чума с разрушительной силой свирепствовала в Европе, длился, за исключением России, с 1347 по 1350 год. Чума, которая впоследствии часто возвращалась вплоть до 1383 [года](#)⁹⁸, не относится к "Великой Смертности". Это были скорее обычные моры, без воспаления легких, как в прежние времена, так и в последующие века, возбуждаемые повсеместно существовавшей заразной материей, которая при каждом благоприятном случае вновь набирала силу, как это обычно бывает с этой страшной болезнью.

Особенно опасным было скопление больших масс людей; так, преждевременное празднование Юбилея, на который Климент VI призвал верующих в Рим (1350), во время великой эпидемии вызвало новую вспышку чумы, от которой, как говорят, спасся едва ли один из ста [паломников](#)⁹⁹.

В результате Италия вновь обезлюдела, а те, кто вернулся, распространяли яд и развращение нравов во всех [направлениях](#)¹⁰⁰. Поэтому тем более непонятно, как Папа, который в целом был столь мудрым и внимательным, и который знал, как идти по пути разума

и гуманности в самых сложных обстоятельствах, должен был принять столь пагубную меру; ведь он сам был настолько убежден в спасительном эффекте уединения, что во время чумы в Авиньоне поддерживал постоянные костры и не допускал к себе никого;¹⁰¹ и в других отношениях отдавал такие распоряжения, которые предотвращали или облегчали многие страдания.

Изменения, произошедшие в этот период на севере Европы, достаточно памятливы, чтобы уделить им несколько минут внимания. В Швеции умерли два принца - Хекен и Кнут, сводные братья короля Магнуса; а в одном только Вестготланде - 466 священников.¹⁰² Жители Исландии и Гренландии из-за холода своего негостеприимного климата не нашли защиты от южного врага, проникшего к ним из более счастливых стран. Чума произвела среди них большой хаос. Природа не принимала в расчет их постоянную борьбу со стихиями и скупость, с которой она предоставляла им жизненные блага.¹⁰³ В Дании и Норвегии, однако, люди были настолько заняты своими несчастьями, что привычные путешествия в Гренландию прекратились. В то же время на побережье Восточной Гренландии образовались огромные айсберги в результате общего сотрясения земного организма; и с тех пор никто из смертных никогда не видел ни этого берега, ни его обитателей¹⁰⁴.

Выше уже отмечалось, что в России Черная чума вспыхнула только в 1351 году, после того как она уже прошла через юг и север Европы. В этой стране смертность также была чрезвычайно велика, и наблюдались те же сцены страдания и отчаяния, что и в тех странах, которые уже прошли через это испытание. Тот же способ погребения, та же ужасная уверенность в смерти, то же оцепенение и подавленность духа. Богатые люди отказывались от своих сокровищ, отдавали свои деревни и поместья церквям и монастырям, что, по понятиям эпохи, было самым верным способом добиться благосклонности Небес и прощения прошлых грехов. В России тоже голос природы заглушался страхом и ужасом. В час опасности отцы и матери бросали своих детей, а дети - своих родителей¹⁰⁵.

Из всех оценок числа погибших в Европе наиболее вероятной является та, что в общей сложности четвертая часть жителей была унесена в плен. Если в настоящее время в Европе проживает 210 000 000 человек, то в XVI веке население, если не брать более высокую оценку, которая может быть легко оправдана, составляло не менее 105 000 000 человек.

Поэтому можно без преувеличения предположить, что Европа потеряла во время Черной смерти 25 000 000 жителей.

То, что ее народы смогли так быстро преодолеть столь страшное сотрясение внешних обстоятельств и, в целом, не отступив больше, чем на самом деле, смогли так развить свою энергию в следующем столетии, является самым убедительным доказательством несокрушимости человеческого общества в целом. Однако полагать, что оно не претерпело никаких существенных внутренних изменений, поскольку внешне все осталось по-прежнему, несовместимо со справедливым взглядом на причину и следствие. Многие историки, похоже, приняли такое мнение; привыкнув, как обычно, судить о моральном состоянии народа исключительно по превратностям земной власти, событиям сражений и влиянию религии, но с безразличием обходя стороной великие явления природы, которые изменяют не только поверхность земли, но и человеческий разум. Поэтому большинство из них лишь поверхностно коснулись "великой смертности" XIV века. Мы же, со своей стороны, убеждены, что в мировой истории Черная смерть является одним из важнейших событий, подготовивших почву для нынешнего состояния Европы.

Тот, кто внимательно изучает человеческий разум и выносит взвешенное суждение об интеллектуальных силах, приводящих в движение людей и государства, возможно, найдет

некоторые подтверждения этому утверждению в следующих наблюдениях:- В то время продвижение иерархии в большинстве стран было необычайным, ибо церковь приобрела сокровища и большие владения в землях , даже в большей степени, чем после крестовых походов; но опыт показал, что такое положение вещей губительно для народа и заставляет его регрессировать, что и было продемонстрировано на этом примере.

После прекращения Черной чумы повсеместно отмечалась большая плодовитость женщин - грандиозное явление, которое, возникая после каждого разрушительного моровой язвы, доказывает, если это вообще возможно, преобладание высшей силы в направлении общей органической жизни. Браки были почти без исключения плодовитыми, а двойные и тройные роды случались чаще, чем в другие времена; в этой связи следует вспомнить странное замечание, что после "великой смертности" у детей, как говорят, стало меньше зубов, чем прежде; современники были сильно шокированы, да и более поздние писатели испытывали удивление.

Если мы изучим основания этого часто повторяемого утверждения, то обнаружим, что они были поражены, увидев, что у детей прорезалось двадцать или, самое большее, двадцать два зуба, полагая, что раньше на их долю выпадало большее количество.¹⁰⁶ Некоторые авторитетные авторы, как, например, врач Савонарола,¹⁰⁷ из Феррары, который, вероятно, искал у детей двадцать восемь зубов, опубликовали свои мнения по этому вопросу. Другие копировали их, не видя сами, как это часто бывает в других вопросах , которые столь же очевидны; и таким образом мир поверил в чудо несовершенства человеческого тела, вызванного черной чумой.

Люди постепенно утешились после перенесенных страданий; мертвые были оплаканы и забыты; и в бурных превратностях существования мир принадлежал живым.¹⁰⁸

ГЛАВА V.

Моральные последствия.

Психическое потрясение, испытанное всеми народами во время распространения черной чумы, не имеет аналогов и не поддается описанию. В глазах робких людей опасность была несомненным предвестником смерти; многие пали жертвой страха при первых же проявлениях чумы¹⁰⁹ , а самые стойкие сердцем потеряли уверенность в себе. Таким образом, после того как надежда на будущее угасла, духовный союз, связывающий человека с его семьей и другими существами, постепенно распался. Благочестивые люди закрывали свои счета с миром, - перед ними предстала вечность, - их единственным желанием оставалось участие в утешениях религии, потому что для них смерть была избавлена от своего жала.

Раскаяние охватывало преступника, призывая его посвятить оставшиеся часы жизни исполнению христианских добродетелей. Все умы были направлены на созерцание будущего, а детей, которые безропотно проявляют более возвышенные чувства души, часто видели, когда они, страдая от чумы, выпускали дух в молитвах и благодарственных песнях¹¹⁰.

Ужасное чувство раскаяния охватило христиан всех общин; они решили отказаться от своих пороков, чтобы загладить прошлые преступления, прежде чем их призовут сюда, чтобы искать примирения со своим Создателем и отвратить, путем самобичевания, наказание, положенное за их прежние грехи. Человеческая природа была бы возвышена, если бы бесчисленные благородные поступки, которые во времена самой непосредственной опасности совершались втайне, были записаны в назидание будущим поколениям. Однако они никак не влияют на ход земных событий. Они известны лишь молчаливым очевидцам и вскоре предаются забвению. Но лицемерие, иллюзии и фанатизм неудержимо преследуют нас; они оскверняют то, что благородно, извращают то, что божественно, в нечестивых целях эгоизма, который торопит всякое доброе чувство в ложных возбуждениях века. Так было и в годы этой чумы. В XIV веке монашеская система все еще была в полном расцвете сил, власть церковных орденов и братств почиталась народом, а иерархия все еще была грозной для мирской власти. Поэтому естественной конституцией общества было то, что фанатичное рвение, которое в такие времена выставляет напоказ публичные акты покаяния, должно было использовать видимость религии. Но это произошло таким образом, что необузданное, своевольное покаяние выродилось в вялое спокойствие, отказ от послушания иерархии и подготовило страшную оппозицию церкви, парализованной древними формами.

В то время как все страны были наполнены стенаниями и скорбью, в [Венгрии](#)¹¹¹, а затем и в Германии возникло Братство Флагеллантов, называемое также Братьями Креста, или Крестоносцами, которые брали на себя покаяние людей за совершенные ими грехи и возносили молитвы и мольбы об избавлении от этой чумы. Этот орден состоял в основном из людей низшего сословия, которые либо были движимы искренним раскаянием, либо с радостью пользовались этим предлогом для безделья и торопились вместе с приливом отвлекающего безумия. Но по мере того как эти братства приобретали все большую известность и принимались народом с почтением и энтузиазмом, многие дворяне и церковники вставали под их знамена; нередко их отряды пополнялись детьми, честь способными женщинами и монахинями; так сильно умы самых противоположных темпераментов были поработаны этим [увлечением](#)¹¹². Они шествовали по городам в хорошо организованных процессиях, с вождями и певцами; их головы были покрыты до самых глаз, взгляд устремлен в землю, и все это свидетельствовало о глубочайшем раскаянии и скорби. Они были одеты в мрачные одежды, с красными крестами на груди, спине и шапке, и несли тройные бичи, завязанные на три или четыре узла, в которых были закреплены железные острия. Перед ними несли лампы и великолепные знамена из бархата и золотой ткани; где бы они ни появлялись, их встречали звоном колоколов, и народ стекался со всех концов, чтобы с преданностью и слезами слушать их гимны и наблюдать за их покаянием. В 1349 году двести флагеллантов впервые вошли в Страсбург, где были приняты с большой радостью и гостеприимно размещены горожанами. Более тысячи человек присоединились к братству, которое теперь приняло вид бродячего племени и разделилось на две части, чтобы отправиться на север и на юг. В течение более полугода еженедельно прибывали новые партии, и при каждом прибытии взрослые и дети покидали свои семьи, чтобы сопровождать их, пока, наконец, их святость не была поставлена под сомнение, и двери домов и церквей были закрыты против них.¹¹³ В Спиресе двести мальчиков, не старше двенадцати лет, объединились в Крестовое братство в подражание детям, которые около ста лет назад объединились по инициативе некоторых монахов-фанатиков с целью восстановления Гроба Господня. Все жители этого города были увлечены иллюзией; они проводили чужестранцев в свои дома с благодарственными песнями, чтобы накормить их на ночь. Женщины вышивали для них знамена, и все стремились приумножить их пышность; и с каждым последующим паломничеством их влияние и репутация росли.¹¹⁴ Их поддерживали не только отдельные части страны: вся Германия, Венгрия, Польша,

Богемия, Силезия и Фландрия отдавали дань этой мании; и в конце концов они стали столь же грозными для светской, как и для церковной власти. Влияние этого фанатизма было огромным и угрожающим; напоминало волнение, призвавшее всех жителей Европы в пустыни Сирии и Палестины примерно за двести пятьдесят лет до этого. Само по себе это явление не было новым. Еще в XI веке многие верующие в Азии и Южной Европе подвергали себя наказанию флагелляцией. Доминик Лорикатус, монах из Сан-Кроче д'Авеллано, упоминается как мастер и образец этого вида умерщвления плоти, который, согласно примитивным представлениям азиатских анхоритов, считался истинно христианским. Автор торжественных процессий флагеллантов, как говорят, был святой Антоний; ведь даже в его время (1231 год) этот вид покаяния был настолько в моде, что записан как событие в мировой истории. В 1260 году флагелланты появились в Италии под именем *девоти*. "Когда земля была загрязнена пороками и преступлениями¹¹⁵, дух раскаяния, не поддающийся исследованию, внезапно овладел умами итальянцев. Страх перед Христом охватил всех: знатные и не знатные, старые и молодые, и даже дети пяти лет, маршировали по улицам, не прикрываясь ничем, кроме платка вокруг талии. Каждый из них нес бич из кожаных ремешков, который они прикладывали к своим конечностям, среди вздохов и слез, с такой силой, что из ран текла кровь. Не только днем, но и ночью, в самую суровую зиму, они проходили по городам с горящими факелами и знаменами, тысячами и десятками тысяч, возглавляемые своими жрецами, и преклоняли колена перед алтарями. Таким же образом они действовали и в деревнях; леса и горы гудели от голосов тех, кто взывал к Богу. Слышно было только меланхоличное пение кающегося. Враги примирялись; мужчины и женщины соревновались друг с другом в великолепных делах милосердия, как будто боялись, что Божественное всемогущество вынесет им приговор уничтожения".

Паломничества флагеллантов распространялись по всем провинциям Южной Германии, вплоть до Саксонии, Богемии и Польши, и даже дальше; но в конце концов священники устояли перед этим опасным фанатизмом, не сумев искоренить иллюзию, которая была выгодна иерархии, пока она подчинялась ее власти. Регниер, отшельник из Перуджи, записан как фанатичный проповедник покаяния, с которого и началась эта экстравагантность.¹¹⁶ В 1296 году в Страсбурге состоялась большая процессия флагеллантов;¹¹⁷ а в 1334 году, за четырнадцать лет до великой смертности, проповедь Вентуринуса, доминиканского монаха из Бергамо, побудила более 10 000 человек совершить новое паломничество. Они бичевали себя в церквях и развлекались на рынках за государственный счет. В Риме Вентуринус был осмеян и изгнан папой в горы Рикондона. Он терпеливо перенес все, отправился в Святую землю и умер в Смирне в 1346 году.¹¹⁸ Таким образом, мы видим, что этот фанатизм был манией средневековья, которая в 1349 году, по столь страшному поводу и пока еще так свежа в памяти, не нуждалась в новом основателе; о котором, правда, все записи молчат. Вероятно, она возникла во многих местах в одно и то же время; ведь ужас перед смертью, охвативший все народы и приведший в движение столь мощные импульсы, мог легко вызвать фанатизм преувеличенного и всепоглощающего покаяния.

Манеры и действия флагеллантов XIII и XIV веков в точности повторяют друг друга. Но если во время Черной чумы им на помощь пришло простое легкоеверие, которое приняло в качестве утешения грубейшие заблуждения религиозного энтузиазма, то очевидно, что лидеры должны были быть тесно сплочены и пользоваться властью тайной ассоциации. Кроме того, грубая группа, как правило, находилась под контролем людей образованных, некоторые из которых, по крайней мере, несомненно, преследовали другие цели, не зависящие от тех, которые внешне проявлялись. Тот, кто желал вступить в братство, должен был оставаться в нем тридцать четыре дня и иметь в своем распоряжении четыре пенсы в день, чтобы не быть

обременительным для кого-либо; если он был женат, то должен был получить разрешение жены и дать заверение, что он ciled для всех мужчин. Братьям Креста не разрешалось искать свободных помещений или даже входить в дом без приглашения; им запрещалось общаться с женщинами; если они нарушали эти правила или действовали без предосторожности, то обязаны были исповедоваться настоятелю, который приговаривал их к нескольким ударам бича в качестве покаяния. Экклезиасты как таковые не имели среди них никакого превосходства; по их первоначальному закону, который, однако, часто нарушался, они не могли становиться магистрами или принимать участие в *тайных советах*. Покаяние совершалось дважды в день: утром и вечером они расходились парами, распевая псалмы, под звон колоколов; прибыв к месту порки, они раздевали верхнюю часть тела и снимали обувь, оставляя на себе только льняное платье, доходившее от талии до щиколоток. Затем они ложились в большой круг, в разных позах, в зависимости от характера их преступления: прелюбодей - лицом к земле; лжесвидетель - на одну сторону, подняв три пальца, и т. д., и подвергались бичеванию, одни больше, другие меньше, со стороны Мастера, который приказывал им встать со словами предписанной [формы119](#). После этого они бичевали себя под пение псалмов и громкие мольбы об избавлении от чумы, с генуфлексиями и другими церемониями, о которых современные писатели рассказывают по-разному; и в то же время постоянно хвастались своим покаянием, что кровь их ран смешалась с кровью [Спасителя120](#). В заключение один из них встал и зачитал письмо, которое, как утверждалось, ангел принес с небес в церковь Святого Петра в Иерусалиме, в котором говорилось, что Христос, сильно недовольный грехами людей, по заступничеству Пресвятой Девы и ангелов даровал всем, кто будет скитаться тридцать четыре дня и бичевать себя, причастие к Божественной [благодати121](#). Эта сцена вызвала среди верующих такой же большой переполох, как и находка святого копья в Антиохии; и если кто-то из духовенства спрашивал, кто запечатал письмо, ему смело отвечали: тот же, кто запечатал Евангелие!

Все это произвело столь сильный эффект, что церковь оказалась в большой опасности; ведь флагелланты пользовались большим доверием, чем священники, от которых они так полностью отстранились, что даже отпускали грехи друг другу. Кроме того, они повсеместно завладели церквями, а их новые песни, переходившие из уст в уста, сильно действовали на умы людей. Большой энтузиазм и изначально благочестивые чувства ясно различимы в этих гимнах, особенно в главном псалме Крестоносцев, который сохранился до наших дней и который пели по всей Германии на разных диалектах и, вероятно, имеет более древнюю дату. [122](#) Дегенерация, однако, вскоре прокралась внутрь; преступления совершались повсеместно; и не нашлось энергичного человека, способного направить индивидуальное возбуждение на более чистые цели, даже если бы в тот ранний период было возможно оказать эффективное сопротивление разваливающейся церкви и сдержать фанатизм. Флагелланты иногда брались испытать свою способность творить чудеса, как, например, в Страсбурге, где они попытались в своем кругу оживить мертвого ребенка: им это не удалось, и их неумелость принесла им много вреда, хотя им удавалось то тут, то там поддерживать некоторое доверие к своему святому призванию, притворяясь, что они обладают силой изгонять злых [духов123](#).

Братство Креста объявило, что паломничество флагеллантов будет продолжаться в течение тридцати четырех лет; и многие магистры, несомненно, решили создать прочную лигу против церкви; но они зашли слишком далеко. Уже в том же году всеобщее негодование положило конец их интригам, так что строгие меры, принятые императором Карлом IV и папой [Климентом124](#), который в течение всего этого страшного периода проявлял благоразумие и благородство и вел себя так, как подобает его высокому положению, были легко приведены в [исполнение125](#).

Парижская Сорбонна и император Карл уже обратились к Святому Престолу за помощью против этих грозных и еретических эксцессов, которые почти уничтожили влияние духовенства во всех местах; когда сто человек из Братства Креста прибыли в Авиньон из Базеля и попросили о приеме. Папа, несмотря на заступничество нескольких кардиналов, запретил им публичное покаяние, которое он не санкционировал, и под страхом отлучения запретил всему христианству продолжать эти паломничества.¹²⁶ Филипп VI, поддержанный осуждающим приговором Сорбонны, запретил принимать их во Франции.¹²⁷ Манфред, король Сицилии, в то же время угрожал им смертной казнью; а на Востоке им противостояли несколько епископов, среди которых были Янусий, [Гнесенский](#)¹²⁸, и Прецлав, Бреславский, которые приговорили к смерти одного из их магистров, бывшего дьяконом, и, в соответствии с варварством того времени, публично сожгли [его](#)¹²⁹. В Вестфалии, где незадолго до этого почитали Братьев Креста, теперь преследовали их с неумолимой [жестокостью](#)¹³⁰; и в Марке, как и во всех других странах Германии, они преследовали их, как если бы они были авторами всех [несчастий](#)¹³¹.

Процессии Братства Креста, несомненно, способствовали распространению чумы; очевидно, что мрачный фанатизм, породивший их, вливал новый яд в и без того унылые умы людей.

Однако все это не выходило за рамки варварского энтузиазма; но ужасными были гонения на евреев, которые совершались в большинстве стран с еще большим ожесточением, чем в XII веке, во время первых крестовых походов. При любой разрушительной моровой язве простые люди сначала приписывают смертность яду. Никакие наставления не помогают; предполагаемое свидетельство их зрения становится для них доказательством, и они авторитетно требуют жертв своей ярости. На кого же можно было обрушить свой гнев, как не на иудеев, ростовщиков и чужеземцев, враждовавших с христианами? Их повсюду подозревали в том, что они отравили колодцы или заразили воздух.¹³² Только их считали виновниками этой страшной смертности среди христиан.¹³³ Поэтому их преследовали с беспощадной жестокостью и либо без разбора отдавали на растерзание населению, либо приговаривали к кровавым трибуналам, которые, соблюдая все формы закона, приговаривали их к сожжению заживо. В такие времена много говорят о виновности и невинности, но ненависть и месть сводят на нет всякую дискриминацию, а малейшая вероятность превращает подозрение в уверенность. Эти кровавые сцены, опозорившие Европу в XIV веке, являются аналогом аналогичной мании того времени, проявившейся в преследовании ведьм и колдунов; и, как и эти, они доказывают, что энтузиазм, связанный с ненавистью и объединяющий низменные страсти, может действовать на целые народы сильнее, чем религия и правопорядок; более того, он даже знает, как воспользоваться авторитетом обоих, чтобы с большей уверенностью насытить кровью меч давно подавляемой мести.

Преследование евреев началось в сентябре и октябре 1348 [года](#)¹³⁴ в Шильоне, на Женевском озере, где было возбуждено первое уголовное дело против них, после того как они уже давно были обвинены народом в отравлении колодцев; аналогичные сцены последовали в Берне и Фрейбурге в январе 1349 года. Под воздействием мучительных страданий истерзанные евреи признали себя виновными в преступлении, которое им вменялось в вину; и когда подтвердилось, что в колодце в Цоффингене действительно был найден яд, это сочли достаточным доказательством, чтобы убедить мир; и преследование отвратительных преступников, таким образом, стало оправданным. И хотя мы можем не обращать внимания на эти процессы, как и на многочисленные признания ведьм, потому что вопросы фанатичных и кровожадных трибуналов были настолько сложны, что с помощью

дыбы неизбежно можно было получить требуемый ответ; кроме того, человеческой природе свойственно, что преступления, которые на слуху у всех, в конце концов могут быть действительно совершены некоторыми, либо из распутства, мести или отчаянного раздражения: Однако преступления и обвинения при таких обстоятельствах являются лишь порождением мстительного, неистового духа в народе; и обвинители, согласно основополагающим принципам морали, которые одинаковы во все века, являются более виновными нарушителями".

Уже осенью 1348 года страшная паника, вызванная предполагаемым отравлением, охватила все народы; особенно в Германии были заложены источники и колодцы, чтобы никто не мог пить из них или использовать воду в кулинарных целях; и в течение долгого времени жители многочисленных городов и деревень пользовались только речной и дождевой [водой](#)¹³⁵. Городские ворота также охранялись с величайшей осторожностью, в них впускали только доверенных лиц; и если лекарство или любой другой предмет, который мог быть предположительно ядовитым, оказывался в руках незнакомца, - а это было естественно, что некоторые должны были иметь эти вещи при себе для личного пользования, - их заставляли проглотить часть [его](#)¹³⁶. В результате этого тяжелого состояния лишений, недоверия и подозрительности, ненависть к предполагаемым отравителям значительно усилилась и часто выливалась в народные волнения, которые только еще больше разжигали самые дикие страсти. Знатные и подлые люди бесстрашно связывали себя клятвой истреблять евреев огнем и мечом и отнимать их у своих покровителей, которых было так мало, что во всей Германии можно назвать лишь несколько мест, где этих несчастных не считали бы преступниками - мучениками и сожженными.¹³⁷ Из Берна в города Базель, Фрайбург-ин-Брайсгау и Страсбург были направлены торжественные повестки, предписывающие преследовать евреев как отравителей. Бургомистры и сенаторы, правда, воспротивились этому требованию; но в Базеле население заставило их связать себя клятвой, сжечь евреев и запретить лицам этой общины въезжать в их город в течение двухсот лет. После этого все евреи Базеля, число которых не могло быть незначительным, были заключены в деревянное здание, построенное для этой цели, и сожжены вместе с ним, по одному только крику народа, без приговора или суда, который, правда, ничего бы им не дал. Вскоре после этого то же самое произошло во Фрейбурге. В Беннефельде, в Эльзасе, состоялся очередной сейм, на котором епископы, лорды и бароны, а также депутаты от графов (графств?) и городов, советовались, как им поступить с евреями; и когда депутаты Страсбурга - не епископ этого города, который оказался ярым фанатиком - высказались в пользу преследуемых, поскольку против них не было выдвинуто ничего преступного, поднялся большой шум, и горячо спрашивали, почему, если это так, они закрыли свои колодцы и убрали ведра? Был принят кровавый указ, по которому народ, повинясь призыву знати и высшего духовенства, стал лишь слишком охотным палачом.¹³⁸ Там, где евреев не сжигали, их, по крайней мере, изгоняли; вынужденные скитаться, они попадали в руки деревенских жителей, которые без гуманности, невзирая на все законы, преследовали их огнем и мечом. В Шпире иудеи, доведенные до отчаяния, собрались в своих жилищах, которые они подожгли и таким образом уничтожили себя вместе со своими семьями. Немногих оставшихся заставили принять крещение, а трупы убитых, которые валялись на улицах, положили в пустые винные бочки и скатили в Рейн, чтобы они не заражали воздух. Толпе было запрещено входить в развалины домов, сожженных в еврейском квартале, так как сам сенат приказал искать сокровища, которые, как говорят, были очень значительными. В Страсбурге две тысячи евреев были заживо сожжены в их собственном могильнике, где был воздвигнут большой эшафот: несколько человек, обещавших принять христианство, были пощажены, а их детей забрали из кучи. Молодость и красота нескольких женщин также

вызвали некоторое сочувствие; их вырвали из смерти против их воли; многие же, кто насильно вырвался из огня, были убиты на улицах.

Сенат приказал вернуть должникам все залоги и облигации, а деньги разделить между рабочим людом.¹³⁹ Многие, однако, отказались принять базовую цену крови и, возмущенные сценами кровавой алчности, из-за которых разъяренная толпа [забыла](#)¹⁴⁰, что вокруг свирепствует чума, отдали ее в монастыри, согласно совету своих духовников. Во всех странах на Рейне эти жестокости продолжались в течение последующих месяцев; а после того, как в некоторой степени восстановилось спокойствие, люди решили оказать благотворительную услугу Богу, взяв кирпичи из разрушенных домов и надгробные камни евреев для ремонта церквей и возведения [колоколен](#)¹⁴¹.

Только в Майенсе, как говорят, 12 000 евреев были преданы жестокой смерти. Флагелланты вошли туда в августе; евреи по этому случаю вступили в перепалку с христианами и убили нескольких человек; но когда они увидели, что не в силах противостоять растущему превосходству своих врагов и что ничто не может спасти их от гибели, они уничтожили себя и свои семьи, поджигая свои жилища. Так и в других местах приход флагеллантов вызывал сцены резни; а поскольку жажда крови повсеместно сочеталась с необузданным духом прозелитизма, среди евреев возникло фанатичное рвение погибнуть как мученики за свою древнюю религию. И как это возможно, чтобы они от всего сердца приняли христианство, когда его заповеди никогда не нарушались столь возмутительно? В Эслингене вся еврейская община сожгла себя в своей [синагоге](#)¹⁴²; часто видели, как матери бросали своих детей на кучу, чтобы предотвратить их крещение, а затем сами бросались в [пламя](#)¹⁴³. Короче говоря, любые поступки, фанатизм, месть, алчность и отчаяние в страшном сочетании могли побудить человечество совершить, - и где в таком случае предел? - были исполнены в 1349 году по всей Германии, Италии и Франции, безнаказанно и на глазах у всего мира. Казалось, что чума породила скандальные поступки и неистовые беспорядки, а не траур и скорбь: и большая часть тех, кто по своему образованию и званию был призван возвысить голос разума, сами повели дику толпу на убийство и грабеж. Почти все евреи, спасшие свои жизни крещением, впоследствии были сожжены в разное время, так как их продолжали обвинять в отравлении воды и воздуха. Христиане, которых филантропия или корысть побудили предложить им защиту, были посажены на дыбу и казнены вместе с ними.¹⁴⁴ Многие евреи, принявшие христианство, раскаялись в своем отступничестве и, вернувшись к своей прежней вере, закрепили ее своей смертью.¹⁴⁵

Гуманность и благоразумие Климента VI в этом случае также должны быть упомянуты к его чести; но даже высшая церковная власть была недостаточна, чтобы сдержать необузданную ярость народа. Он не только защитил евреев в Авиньоне, насколько это было в его силах, но и издал две буллы, в которых объявил их невиновными; и призвал всех христиан, хотя и безуспешно, прекратить такие беспочвенные [гонения](#)¹⁴⁶. Император Карл IV. также был благосклонен к ним и старался предотвратить их уничтожение, где только мог; но он не осмелился обнажить меч правосудия и даже оказался вынужден уступить эгоизму богемских дворян, которые не желали отказываться от столь благоприятной возможности освободиться от своих еврейских кредиторов, пользуясь императорским [мандатом](#)¹⁴⁷. Герцог Альберт Австрийский сжигал и грабил те из своих городов, которые преследовали евреев, - напрасный и бесчеловечный поступок, который, к тому же, не исключает подозрений в корыстолюбии; однако он не смог защитить в своей крепости Кибург несколько сотен евреев, которые были там приняты, от варварского сожжения [жителями](#)¹⁴⁸. Несколько других князей и графов, среди которых был Рупрехт фон дер Пфальц, взяли евреев под свою защиту, заплатив большие суммы: из-за этого их стали называть "жидомасонами", и они

подвергались опасности нападения со стороны населения и своих могущественных [соседей](#)¹⁴⁹. У этих преследуемых и подвергаемых жестокому обращению людей, за исключением тех случаев, когда гуманные люди проявляли к ним сострадание на свой страх и риск или когда им удавалось за счет богатства купить защиту, не оставалось иного убежища, кроме далекой Литвы, где Болеслав V., Болеслав V, герцог Польши (1227-1279), прежде даровал им свободу совести; а король Казимир Великий (1333-1370), поддавшись мольбам Эстер, любимой еврейки, принял их и предоставил им дальнейшую [защиту](#)¹⁵⁰, благодаря чему в этой стране до сих пор проживает большое количество евреев, которые своими уединенными привычками более, чем кто-либо другой в Европе, сохранили нравы средних веков.

Но вернемся к страшным обвинениям против евреев: по всей Европе ходили слухи, что они связаны с тайным начальством в Толедо, чьим указам они подчинялись и от кого получали повеления о чеканке поддельных денег, отравлениях, убийствах христианских детей и т. д.¹⁵¹; что они получали яд морем из отдаленных мест, а также сами готовили его из пауков, сов и других ядовитых животных; но, чтобы их секрет не был раскрыт, он был известен только их раввинам и богатым [людям](#)¹⁵². По-видимому, мало кто не считал это экстравагантное обвинение обоснованным; действительно, во многих сочинениях XIV века мы находим большую ярость по отношению к подозреваемым в смешении ядов, что явно свидетельствует о существовавшем против них предубеждении. К несчастью, после признаний первых жертв в Швейцарии, каторга добивалась подобных признаний в разных местах. Некоторые даже признались, что получали ядовитый порошок в мешочках и предписания из Толедо, переданные тайными посыльными. Подобные мешочки также часто находили в колодцах, хотя нередко выяснялось, что христиане сами бросали их туда; вероятно, чтобы дать повод для убийства и грабежа; подобные примеры можно найти в преследованиях [ведьм](#)¹⁵³.

Эта картина не нуждается в дополнениях. Живой образ Черной чумы и морального зла, которое последовало за ней, ярко представит себе тот, кто знаком с природой и устройством общества. Почти единственные достоверные свидетельства об образе жизни и разрушениях, происходивших в частной жизни во время этой эпидемии, получены из Италии; они могут позволить нам составить справедливое представление об общем состоянии семей в Европе, принимая во внимание то, что свойственно нравам каждой страны.

"Когда зло стало всеобщим" (речь идет о Флоренции), "сердца всех жителей были закрыты для чувств гуманности. Они бежали от больных и всего, что им принадлежало, надеясь таким образом спастись. Другие заперлись в своих домах, с женами, детьми и домочадцами, живя самой дорогой едой, но тщательно избегая излишеств. К ним никто не допускался, никакие известия о смерти или болезни не доходили до их ушей; они проводили время в пении, музыке и других развлечениях. Другие же, напротив, считали лучшим лекарством еду и питье, развлечения всех мастей, потакание любым удовольствиям и безразличие к тому, что происходит вокруг, и действовали соответственно. Они бродили день и ночь от одной таверны к другой и пировали без меры и ограничений. Стараясь избегать общения с больными, они бросали свои дома и имущество на произвол судьбы, как люди, для которых уже прозвенел смертный звонок.

На фоне всеобщего плача и скорби исчезли влияние и авторитет всех законов, человеческих и божественных. Большинство из тех, кто занимал свои должности, были унесены чумой, или

лежали больные, или потеряли столько членов своих семей, что не могли выполнять свои обязанности; так что отныне каждый поступал так, как считал нужным. Другие в своем образе жизни выбирали средний путь. Они ели и пили, что хотели, и ходили по улицам,нося с собой пахучие цветы, травы или специи, которые они время от времени нюхали, чтобы оживить мозг и отвратить вредное влияние воздуха, зараженного больными и бесчисленными трупами тех, кто умер от чумы. Другие пошли еще дальше и решили, что самый верный способ избежать смерти - бегство. Поэтому они покидали город: женщины и мужчины оставляли свои дома и своих родственников и уходили в деревню. Но и из них многие были унесены, причем большинство из них были одиноки и покинуты всем миром, сами подав ранее пример. Таким образом, один гражданин бежал от другого, сосед от соседа, родственник от родственника, и в конце концов ужас настолько полностью погасил все добрые чувства, что брат бросил брата, сестра сестру, жена мужа, и, наконец, даже родитель своих отпрысков, бросив их на произвол судьбы без присмотра и утешения. Нуждающиеся в помощи становились жертвами жадных сиделок, которые за непомерное вознаграждение просто передавали больным еду и лекарства, оставались с ними в последние минуты их жизни, а потом, нередко, сами становились жертвами своей скупости и не успевали насладиться вымогаемой выгодой. Благопристойность и приличия исчезли среди беспомощных больных. Женщины высокого ранга, казалось, забыли о своей природной стыдливости и поручали заботу о своих персонах без разбора мужчинам и женщинам самого низкого ранга. В доме скорби больше не было женщин, родственниц или подруг, чтобы разделить горе оставшихся в живых: труп больше не сопровождали до могилы соседи и многочисленная вереница священников, несущих восковые лампы и поющих псалмы, его не несли другие граждане равного ранга. Многие уходили из жизни, не имея друга, который успокоил бы их предсмертную подушку; и лишь немногие уходили из жизни под причитания и слезы своих друзей и родственников. Вместо скорби и траура царили безразличие, легкомыслие и веселье; это считалось, особенно среди женщин, способствующим здоровью. Редко за телом следовали даже десять или двенадцать сопровождающих; вместо обычных носильщиков и пономарей за это брались наемники из самых низких слоев населения, и в сопровождении всего нескольких священников, а часто и без единого костра, его несли в самую ближайшую церковь и опускали в первую могилу, которая не была еще слишком заполнена, чтобы принять его. Среди среднего класса, и особенно среди бедняков, страдания были еще более ужасными. Бедность или небрежность побуждали большинство них оставаться в своих домах или в непосредственной близости от них, и таким образом они падали тысячами; многие заканчивали свою жизнь на улицах, днем и ночью. Вонь от гниющих трупов часто была первым признаком того, что соседи узнали о новых смертях. Оставшиеся в живых, чтобы уберечь себя от заражения, обычно выносили тела из домов и складывали перед дверями, где ранним утром их находили в кучах, выставленных на обозрение проходящих мимо чужаков. Уже невозможно было иметь отдельный одр для каждого трупа - обычно клали три или четыре вместе; мужа и жену, отца и мать с двумя или тремя детьми часто несли в могилу на одном одре; часто случалось, что два священника сопровождали гроб, неся перед ним крест, и по дороге к ним присоединялось еще несколько похорон, так что вместо одного трупа для погребения требовалось пять или шесть".

Таков Боккаччо. О поведении священников другой современник замечает: [154](#) "В больших и малых городах они уходили в себя из-за страха, оставляя исполнение церковных обязанностей тем немногим, кто был достаточно мужественным и верным, чтобы взять их на себя". Но мы не должны возлагать на них больше вины, чем на других; ведь мы находим доказательства той же робости и бессердечия в каждом классе. Во время распространения

черной чумы благотворительные ордена вели себя превосходно и сделали столько добра, сколько может быть сделано отдельными людьми во времена великого несчастья и разрушения; когда сострадание, мужество и благородные чувства встречаются лишь у немногих, а трусость, эгоизм и злая воля с их низменными страстями утверждают свое превосходство. Вместо добродетели, изгнанной с земли, порочность повсюду поднимает свой мятежный штандарт, и последующие поколения оказываются во власти ее ужасающей тирании.

ГЛАВА VI.

Врачи.

Если мы теперь обратимся к врачебному таланту, столкнувшемуся с "Великой смертностью", то средневековье должно быть оправдано, поскольку даже современники считают, что врачебное искусство не в состоянии справиться с восточной чумой и может избавить от нее только при особо благоприятных [обстоятельствах](#)¹⁵⁵. Мы также должны помнить, что человеческая наука и искусство оказываются особенно слабыми во время больших эпидемий, потому что им приходится бороться с силами природы, о которых они не имеют никакого представления; и которые, если бы они были или могли быть постигнуты их коллективных эффектов, оставались бы неподконтрольными им, главным образом из-за неупорядоченного состояния человеческого общества. Кроме того, каждая новая чума имеет свои особенности, которые тем легче обнаружить с первого взгляда, что во время ее опустошения страх и ужас смиряют гордый дух.

Врачи XIV века во время Черной смерти сделали все, на что был способен человеческий разум в условиях реального состояния искусства врачевания; и их знания о болезни отнюдь не были презренными. Они, как и все остальное человечество, потакали предрассудкам и отстаивали их, возможно, с излишним упорством: некоторые из них, однако, были основаны на образе мышления эпохи и в те времена воспринимались как непреложные истины: другие продолжают существовать и по сей день.

Поэтому их преемникам в XIX веке не стоит слишком высоко превозносить превосходство своих знаний, ведь они тоже будут подвергнуты суровому суду потомков - их тоже с полным основанием обвинят в человеческой слабости и недостаточной прозорливости.

Медицинскому факультету Парижа, самому знаменитому в XIV веке, было поручено представить свое мнение о причинах Черной чумы, а также некоторые соответствующие правила относительно жизни во время ее распространения. Этот документ достаточно примечателен, чтобы поместить его здесь.

"Мы, члены Коллегии врачей Парижа, после зрелых размышлений и консультаций по поводу нынешней смертности, собрали советы наших старых мастеров в этом искусстве и намереваемся сделать известными причины этого моровой язвы более ясно, чем это можно было бы сделать в соответствии с правилами и принципами астрологии и естественных наук; поэтому мы заявляем следующее:-...

"Известно, что в Индии и в окрестностях Великого моря констеллы, противостоящие лучам солнца и теплу небесного огня, особенно сильно воздействовали на это море и яростно боролись с его водами. Поэтому часто возникают пары, которые окутывают солнце и превращают его свет во тьму. Эти пары попеременно поднимались и опускались в течение двадцати восьми дней; но наконец солнце и огонь так сильно подействовали на море, что привлекли к себе большую его часть, и воды океана поднялись в виде пара; при этом воды в некоторых местах были настолько испорчены, что рыбы, которые в них содержались, погибли. Однако эти испорченные воды солнечный жар не мог уничтожить, как не могли из них возникнуть и другие полезные воды, град, снег и роса. Напротив, этот пар распространялся по воздуху во многих местах земли и окутывал их туманом.

"Так было по всей Аравии, в части Индии, на Крите, на равнинах и долинах Македонии, в Венгрии, Албании и Сицилии. Если то же самое произойдет на Сардинии, в живых не останется ни одного человека; и то же самое будет продолжаться, пока солнце остается в знаке Льва, на всех островах и в прилегающих странах, на которые распространяется или уже распространился из Индии этот испорченный морской ветер. Если жители тех мест не будут использовать и придерживаться следующих или подобных средств и наставлений, мы объявляем им неизбежную смерть - если только благодать Христа не сохранит их жизнь.

"Мы считаем, что созвездия с помощью природы стремятся, в силу своей божественной мощи, защитить и исцелить человеческий род; и с этой целью, в союзе с лучами солнца, действующими через силу огня, пытаются прорвать туман. Соответственно, в течение следующих десяти дней и до 17 числа следующего месяца июля этот туман будет превращен в зловонный пагубный дождь, благодаря чему воздух будет значительно очищен. Теперь, как только этот дождь объявит о себе громом или градом, каждый из вас должен защитить себя от воздуха; и, как до, так и после дождя, разжечь большой костер из виноградного дерева, зеленого лавра или другого зеленого дерева; полынь и ромашка должны быть также сожжены в большом количестве на рынках, в других густонаселенных местах и в домах. Пока земля не высохнет полностью, и в течение трех дней после этого, никто не должен выходить в поле. В течение этого времени диета должна быть простой, а люди должны избегать облучения в прохладное вечернее время, ночью и утром. Не следует есть птицу и водоплавающую птицу, молодую свинину, старую говядину и вообще жирное мясо, а наоборот, мясо соответствующего возраста, теплое и сухое, но ни в коем случае не согревающее и возбуждающее. Следует принимать бульон, приправленный молотым перцем, имбирем и гвоздикой, особенно тем, кто привык жить умеренно, и еще выбирает в своем рационе. Сон в дневное время вреден; его следует принимать ночью до восхода солнца или несколько дольше. За завтраком следует пить мало; ужинать нужно за час до захода солнца, когда можно выпить больше, чем утром. В качестве напитка следует использовать чистое светлое вино, смешанное с пятой или шестой частью воды. Сушеные или свежие фрукты с вином не вредны, а без него - очень вредны. Свекла и другие овощи, как маринованные, так и свежие, вредны; напротив, пряные травы, такие как шалфей или розмарин, полезны. Холодная, влажная, водянистая пища, как правило, вредна. Выходить на улицу ночью и даже до трех часов утра опасно из-за росы. Употребляйте только мелкую речную рыбу. Слишком большие физические нагрузки вредны. Тело должно быть теплее, чем обычно, и таким образом оно защищено от влаги и холода. Нельзя использовать дождевую воду для приготовления пищи, и каждый должен избегать сырой погоды. Если идет дождь, после ужина следует принять немного мелкой патоки. Тучные люди не должны сидеть на солнце. Следует выбирать хорошее чистое вино и пить его часто, но в небольших количествах, в течение дня. Оливковое масло, как продукт питания, смертельно опасно. Не менее вредны пост или чрезмерное воздержание, душевное беспокойство, гнев и

чрезмерное питье. Молодые люди, особенно осенью, должны воздерживаться от всего этого, если они не хотят рисковать умереть от дизентерии. Чтобы поддерживать организм в нормальном состоянии, при необходимости следует делать клизму или использовать другие простые средства. Купание вредно. Мужчины должны хранить целомудрие так же, как они ценят свою жизнь. Каждый должен помнить об этом, но особенно те, кто живет на побережье или на острове, куда проникает злой ветер" [156](#).

По какому случаю были произнесены эти странные наставления, теперь уже невозможно установить, даже если бы мы задались целью узнать это. Однако следует признать, что они не делают чести ни Парижскому факультету, ни XIV веку в целом. Этот знаменитый факультет оказался перед мучительной необходимостью быть мудрым по приказу и в упор стрелять эрудицией в противника, окутанного темным туманом, о природе которого они не имели ни малейшего представления. Скрывая свое невежество авторитетными утверждениями, они тем самым вводили себя в заблуждение; и, пытаясь предстать перед миром с блеском, выдавали умным людям свою прискорбную слабость. Кто-то может предположить, что при состоянии наук в XIV веке не существовало ни одного умного врача; но это полностью противоречит законам развития человечества и опровергается его историей. Настоящие знания эпохи проявляются только в архивах ее литературы. Только здесь талантливые люди депонируют результаты своего опыта и размышлений, без тщеславия или корысти: только здесь гений истины говорит во всеуслышание. Нет никаких оснований полагать, что в XIV веке люди такого рода публично подвергались сомнению в своих взглядах; поэтому тем более необходимо, чтобы беспристрастная история взяла на себя их дело и воздала должное их заслугам.

Первое упоминание на эту тему относится к очень известному учителю в Перудже, Джентилису из Фолиньо, который 18 июня 1348 года пал жертвой чумы, добросовестно исполняя свой [долг](#) [157](#). Приверженец арабских доктрин и всеми уважаемого Галена, он, как и все его современники, верил в гнилостное разложение крови в легких и сердце, вызванное язвенной атмосферой, и сразу же распространяющееся на все тело. Поэтому он считал, что все зависит от достаточного очищения воздуха с помощью больших костров из пахучего дерева, как вблизи здоровых, так и больных, а также от соответствующего образа жизни, чтобы гниль не одолевала больных. В соответствии с представлениями, полученными от древних, он полагался на кровопускание и очищение в начале приступа с целью очищения; предписывал здоровым часто мыться уксусом или вином, окроплять уксусом свои жилища и часто нюхать камфору или другие летучие вещества. После этого он, по арабской моде, дал подробные правила с обилием различных лекарств, в целебную силу которых верили. Он не придавал особого значения сверхлунным влияниям, так как это касалось самой болезни; по этому поводу он не вступал в большие споры с астрологами, но всегда держал в поле зрения, как объект медицинского внимания, разложение крови в легких и сердце. Он верил в прогрессирующее заражение от страны к стране, в соответствии с представлениями сегодняшнего дня; а заразная сила болезни даже вблизи тех, кто пострадал от чумы, по его мнению, не вызвала сомнений. [158](#) В этом вопросе умные современники были единодушны; и, по правде говоря, не требовалось большого гения, чтобы убедиться в столь очевидном факте. Кроме того, правильные представления о заразе пришли из далекой древности и сохранялись неизменными в XIV веке. [159](#) Еще в эпоху Платона знание о заразной силе злокачественных воспалений глаза, в которой также не сомневался ни один врач средних веков, [160](#) было всеобщим среди людей; [161](#) однако в наше время хирурги заполнили тома пристрастными спорами на эту тему. Весь язык древности приспособился к представлениям

людей о заразных болезнях; и их термины были, вне всякого сравнения, более выразительными, чем те, что используются современниками¹⁶².

Меры по защите здоровых людей от заразных болезней, необходимость которых следует из этих представлений, древние считали полезными, и многие, чьи обстоятельства позволяли это сделать, применяли их в своих домах. Даже полное отделение больных от здоровых, это необходимое средство защиты от заражения при контакте, было предложено врачами II века после Рождества Христова, чтобы остановить распространение проказы. Но против этого решительно возражали, поскольку, как утверждалось, врачебное искусство не должно быть виновно в такой жестокости.¹⁶³ Эта мягкость древних, в образе мышления которых бесчеловечность так часто и так неприкрыто бросалась в глаза, могла бы вызвать удивление, если бы она была не более чем очевидной. Истинная причина пренебрежения общественной защитой от моровой язвы кроется в общих понятиях и конституции человеческого общества, в пренебрежении человеческой жизнью, доказательства которого великие народы древности приводили на каждой странице своей истории. Не следует думать, что им нужны были знания о распространении заразных болезней. Напротив, они были так же хорошо осведомлены в этом вопросе, как и современные люди; но это проявлялось там, где нужно было защищать индивидуальную собственность, а не человеческую жизнь в широком масштабе. Поэтому древние придерживались общей практики сдерживания распространения рожи среди скота путем отделения заболевших от здоровых. Только их стада пользовались защитой, которую они считали нецелесообразным распространять на человеческое общество, поскольку не желали этого делать.¹⁶⁴ То, что правительства в XIV веке еще не были настолько развиты, чтобы ввести в действие общие правила борьбы с чумой, не нуждается в особых доказательствах. Поэтому врачи могли только советовать публичные очищения воздуха с помощью больших костров, как это часто практиковалось в древние времена; и они были вынуждены оставлять на усмотрение отдельных семей либо искать безопасности в бегстве, либо закрываться в своих жилищах,¹⁶⁵ метод, который помогает при обычной чуме, но который здесь не давал полной безопасности, потому что болезнь была настолько яростной, когда она достигала своего пика, что атмосфера целых городов была пронизана инфекцией.

В астральном влиянии, которое считалось причиной "Великой смертности", врачи и ученые были так же полностью убеждены, как и в его реальности. В качестве основной причины было принято считать великое соединение трех высших планет, Сатурна, Юпитера и Марса, в знаке Водолея, которое произошло, согласно Ги де Шольяку, 24 марта 1345 года. При определении дня этот врач, глубоко сведущий в астрологии, не согласился с другими, после чего возникли различные споры, имевшие значение в ту эпоху, но не имеющие значения в нашу; люди, однако, согласились в том, что соединения планет безошибочно предсказывают великие события, великие революции королевств, новых пророков, разрушительные чумы и другие события, которые приносят беды и ужас человечеству. Ни один медицинский автор XIV и XV веков не упускает случая представить их в качестве одного из общих предсказаний великих бедствий; не можем и мы, со своей стороны, рассматривать астрологию средних веков как простое порождение суеверия. Она не только, как и все идеи, которые вдохновляют и направляют человечество, имеет высокое историческое значение, совершенно не зависящее от ее ошибочности или истинности - ведь влияние и того и другого одинаково сильно, - но в ней, как и в алхимии, содержатся великие мысли древности, которых современная натурфилософия так мало стыдится, что претендует на них как на свою собственность. Прежде всего, это идея о всеобщей жизни, которая распространяется по всей Вселенной, выраженная величайшими греческими мудрецами и переданная в средние века через новую натурфилософию Платона. Этому представлению о

вселенском организме не могло быть чуждо предположение о взаимном влиянии земных тел, [166](#) и оно не переставало соответствовать более высокому взгляду на природу, пока астрологи не переступили границы человеческого знания легкомысленными и мистическими расчетами.

Ги де Шольяк считает влияние соединения, которое считалось всемогущим, главной общей причиной Черной чумы; болезненное состояние тел, разложение жидкостей, слабость, непроходимость и т. д. - особыми подчиненными [причинами](#)[167](#). По его мнению, качество воздуха и других элементов было настолько изменено, что они приводили ядовитые жидкости в движение по направлению к внутренним частям тела, подобно тому, как магнит притягивает железо; отсюда вначале возникали лихорадка и отхаркивание крови, а затем, однако, отложение в виде набухания желез и воспалительных нарывов. Таким образом, понятие эпидемической конституции было изложено четко и в соответствии с духом эпохи. Ги де Шольяк был полностью убежден, что зараза - это болезнь. Он пытался защититься от нее обычными [средствами](#)[168](#); вероятно, именно он посоветовал папе Клименту VI затвориться, пока длится чума. Сохранение жизни этого папы, однако, принесло большую пользу городу Авиньону, поскольку он осыпал бедняков благоразумными актами доброты, заботился о том, чтобы обеспечить им надлежащий уход, и сам платил врачам, чтобы они оказывали помощь везде, где только можно; преимущество, которым, возможно, не пользовался ни один другой [город](#)[169](#). Лечение больных чумой в Авиньоне также не вызывало никаких нареканий; после обычного истощения кровопусканием и аперитивами, когда того требовали обстоятельства, они старались довести бубоны до нагноения; они делали надрезы на воспалительных нарывах или прижигали их раскаленным железом - практика, которая во все времена оказывается полезной, а во время Черной чумы спасла много жизней. В этом городе больше всего доставалось евреям, которые жили в состоянии величайшей грязи, а также испанцам, которых Чалин обвиняет в большой распущенности.[170](#)

Еще более четкие представления о причинах чумы изложил своим современникам в XIV веке Галеаццо ди Санта-София, ученый человек, уроженец Падуи, который также лечил больных чумой в [Вене](#)[171](#), хотя в каком году - не установлено. Он тщательно отличает *мор* от *эпидемии* и *эндемии*. Распространенное представление о двух первых в точности совпадает с представлением об эпидемической конституции, поскольку обе они, по его словам, заключаются в неизвестном изменении или порче воздуха; с той разницей, что *мор* вызывает болезни разного рода; *эпидемия* же, напротив, всегда одну и ту же болезнь. В качестве примера *эпидемии* он приводит кашель (грипп), который наблюдался во всех климатах в одно и то же время, без видимых причин; приближение же *моровой язвы* он распознавал независимо от необычных природных явлений по более частому появлению различных видов лихорадки, которой современные врачи придали бы нервный и гнилостный характер. *Эндемия*, по его мнению, возникает только в результате местных теллурических изменений - пагубных влияний, которые развиваются в земле и воде, без разложения воздуха. В его время эти понятия были смешаны воедино, как и все, что человеческое понимание разделяет слишком тонкой линией ограничения. Однако оценка космических влияний в *эпидемии* и *моровой язве* вполне заслуживает похвалы; в этом отношении Санта-София не только согласен с самыми умными людьми XIV и XV веков, но и обнародовал мнение, которое и сейчас должно служить основой для наших едва начавшихся исследований космических [влияний](#)[172](#). *Мор* и *эпидемия* состоят не в изменении четырех первичных [качеств](#)[173](#), а в порче воздуха, мощной, хотя и совершенно нематериальной, и не познаваемой чувствами: (*corruptio aëris non substantialis, sed qualitativa*) в диспропорции невесомых веществ в атмосфере, как выразились бы современные [174](#) *Причинами моровой*

язвы и эпидемий являются, прежде всего, астральные влияния, особенно при планетарных соединениях; затем обширное гниение животных и растительных тел и земное разложение (*corruptio in terra*); этому также могут способствовать плохое питание и нужда. Санта София считает гниение саранчи, погибшей в море и вновь выброшенной на поверхность, в сочетании с астральными и земными влияниями, причиной моровой язвы в богатый событиями год "Великой смертности".

Все лихорадки, вызванные *мором*, по его мнению, относятся к гнилостному типу; ведь они происходят от гниения крови сердца, которое неизбежно следует за вдыханием зараженного воздуха. Восточная чума иногда, но далеко не всегда, вызывается *мором* (?), который придает ей характер (*qualitas occulta*), враждебный человеческой природе. Она часто возникает по другим причинам, среди которых, как известно, этот врач считал заразу; и следует отметить, что он считал эпидемическую оспу и корь безошибочными предшественниками чумы, как это делают врачи и жители Востока¹⁷⁵ в наши дни.

В изложении своих терапевтических взглядов на чуму Санта-София вновь демонстрирует ясность ума, которая делает честь эпохе. Ему казалось, что лечение чумы зависит, во-первых, от удаления гнилостных веществ с помощью чистящих средств и кровопускания; однако он не одобрял использование этих средств без разбора, и без рассмотрения; в особенности, если состояние крови было здоровым. Он также решительно выступал против кровопускания *ad deliquium* (*venæ sectio eradicativa*). 2d, Укрепление сердца и предотвращение гниения. 3-е, Соответствующий режим. 4-е, Улучшение воздуха. 5-е, Соответствующее лечение опухолевых желез и воспалительных фурункулов с помощью смягчающих и даже стимулирующих припарок (горчица, луковицы лилий), а также раскаленного золота и железа. И наконец, шестое: внимание к ярким симптомам. Запасы арабской аптеки, которые он привел в действие для удовлетворения всех этих показаний, были действительно очень значительными; следует заметить, однако, что по большей части были собраны щадящие средства, которые в случае злоупотребления не принесут вреда; ведь характер арабской системы медицины, принципам которой повсеместно следовали в это время, заключался в мягкости и осторожности. По этой причине мы также не можем поверить, что весьма пространный трактат Марсильи ди Санта София,¹⁷⁶ современника Галеаццо, посвященный профилактике и лечению чумы, мог причинить много вреда, хотя, возможно, даже в XIV веке приятная широта и уверенные утверждения относительно вещей, которые никто из смертных не исследовал, или которые совершенно безразлично различать, считались доказательством ценного практического таланта.

Согласие современных и более поздних авторов показывает, что опубликованные взгляды самых знаменитых врачей XIV века были общепринятыми. Среди них Чалин де Винарио - самый опытный. Хотя он предан астрологии больше, чем его выдающийся современник, он признает великую силу земных влияний и очень здраво высказывается о неоспоримой доктрине заражения, пытаясь тем самым извинить многих хирургов и врачей своего времени, которые пренебрегали своим долгом.¹⁷⁷ Он смело и правдиво утверждал, "что все эпидемические болезни могут стать заразными,¹⁷⁸ а все лихорадки эпидемическими", что подтвердили внимательные наблюдатели всех последующих эпох.

Он излагал свои взгляды на кровопускание со здравым смыслом, как опытный врач; однако, как можно предположить, он не смог умерить стремление к кровопусканию, проявляемое невежественными монахами. Он не хотел брать кровь из вен у пациентов младше четырнадцати лет, но противодействовал воспалительному возбуждению у них с помощью кукования и старался умерить воспаление опухолевых желез пиявками.¹⁷⁹ Большинство тех, кому пускали кровь, умирали; поэтому он оставлял это средство для плеториков; особенно

для папских придворных и лицемерных священников, которых он видел удовлетворяющими свои чувственные желания и подражающими Эпикуру, в то время как они напыщенно притворялись, что следуют за Христом.¹⁸⁰ Он рекомендовал прижигать фурункулы раскаленным железом только при чуме без лихорадки, что случалось в единичных случаях¹⁸¹; ¹⁸¹ и всегда был готов поправить тех чрезмерно вспыльчивых хирургов, которые огнем и жестокими средствами наносили непоправимый вред своим пациентам.¹⁸² Михаил Савонарола, профессор в Ферраре (1462), рассуждая о восприимчивости человеческого организма к влиянию язвенной инфекции, как причине столь различных модификаций болезни, выражает себя так, как это сделал бы современный врач; а принятие принципа заражения легло в основу его определения чумы.¹⁸³ Не менее достойны внимания взгляды знаменитого Валеска из Таранты, который во время последнего визита "черной смерти" в 1382 году практиковал как врач в Монпелье и передал потомкам то, что повторяется в бесчисленных трактатах о чуме, написанных в XV и XVI [веках](#)¹⁸⁴.

Из всех этих представлений и взглядов на чуму, развитие которых мы представили, есть два особенно выдающихся по историческому значению: -1-е, мнение ученых врачей, что *мор*, или эпидемическая конституция, является *родителем различных видов болезней*; что чума иногда, действительно, но отнюдь не всегда, происходит от нее: что, говоря языком современников, *мор* имеет такое же отношение к заразе, как предрасполагающая причина к случайной причине: и, во-вторых, всеобщее убеждение в заразной силе этой болезни.

Заразительность постепенно привлекала все больше внимания: считалось, что в ней можно избежать самой мощной случайной причины; возможность защиты целых городов путем разделения постепенно становилась все более очевидной; и настолько ужасающими были воспоминания о богатом событиях годе "*Великой смертности*", что еще до конца XIV века, пока не прекратились зловещие последствия Черной чумы, народы старались защитить себя от возвращения этого врага с помощью серьезной и эффективной обороны.

Первое постановление, изданное с этой целью, принадлежит виконту Бернабо и датируется 17 января 1374 года. "Каждый больной чумой должен был быть вывезен из города в поле, где он должен был умереть или выздороветь. Те, кто посещал больного чумой, должны были оставаться в стороне в течение десяти дней, прежде чем снова вступать в связь с кем-либо. Священники должны были осматривать больных и указывать специальным уполномоченным лицам зараженных; под угрозой конфискации их имущества и сожжения заживо. Если кто ввозил чуму, государство обрекало его имущество на конфискацию. Наконец, никто, кроме назначенных для этой цели лиц, не должен был посещать больных чумой под страхом смерти и конфискации."¹⁸⁵

Эти распоряжения, соответствующие духу XIV века, достаточно решительны, чтобы указать на воспоминания о хороших последствиях заключения и удержания на расстоянии тех, кто подозревался в заболевании чумой. Говорили, что сам Милан, строго заперев три дома, в которых вспыхнула чума, на значительное время избавился от "*великой смертности*";¹⁸⁶ и примеры сохранения отдельных семей путем строгого разделения, несомненно, были очень частыми. Можно легко предположить, что эти распоряжения должны были вызвать всеобщее недоумение из-за своей необычной суровости, как мы знаем, особенно в городе Реджио; но Бернабо не испугался своей цели - напротив, когда чума вернулась в 1383 году, он запретил под страхом смерти допускать людей из зараженных мест на свою [территорию](#)¹⁸⁷. Правда, мы не знаем, насколько ему это удалось, но можно предположить, что он задержал болезнь, поскольку она уже давно утратила свойство Черной смерти -

распространять по воздуху заразные вещества, исходящие из легких, наполненные гнилью, и осквернять атмосферу целых городов огромным количеством больных. Теперь, когда болезнь возобновила свою более мягкую форму, так что заражение происходило только при контакте, она допускала ограничение в пределах отдельных жилищ, так же легко, как и в современное время.

Примеру Бернабо подражали; не было ни одного века, более подходящего для рекомендации правительствам жестких правил против чумы, чем 14-й; ведь когда она вспыхнула в Италии в 1399 году и все еще требовала новых жертв, это было уже в 16-й раз; не считая частых визитов кори и оспы. В том же году виконт Джон, в более мягких выражениях, чем его предшественник, приказал не пускать посторонних в зараженные места и строго охранять городские ворота. Зараженные дома должны были проветриваться не менее восьми-десяти дней и очищаться от вредных испарений с помощью костров и фумигаций бальзамическими и ароматическими веществами. Солому, тряпки и прочее следовало сжигать, а использованные кровати выставлять на четыре дня под дождь или солнце, чтобы с помощью того или другого уничтожить болезнетворные испарения. Никто не должен был осмеливаться пользоваться одеждой или постелью в зараженных жилищах, если они не были предварительно выстираны и высушены на огне или на солнце. Люди также должны были избегать, насколько это возможно, занимать дома, в которых часто бывали больные чумой¹⁸⁸.

Мы не можем с точностью увидеть в этом продвижение к общим правилам; возможно, люди были убеждены в непреодолимых препятствиях, стоящих на пути разделения открытых внутренних стран, в которых тела людей, связанных вместе, не могли быть принуждены, даже с помощью самой упрямой суровости, отказаться от привычки к выгодному общению.

Несомненно, именно природа сделала больше всего для того, чтобы изгнать восточную чуму из Западной Европы, где растущая обработка земли и развивающийся порядок в цивилизованном обществе не позволили ей остаться одомашненной, какой она, скорее всего, была в более древние времена.

В XV веке, в течение которого она семнадцать раз вспыхивала в разных уголках Европы¹⁸⁹, тем важнее было поставить барьер на пути ее проникновения из Азии, Африки и Греции (ставшей турецкой), поскольку в дальнейшем ей было бы трудно сохраниться в естественных условиях. Однако среди южных торговых государств, которые были вынуждены прилагать наибольшие усилия для достижения этой цели, главным образом Венеция, ранее так сильно пострадавшая от черной чумы, наложила необходимое ограничение на рискованные доходы купцов. Вплоть до конца XV века весьма значительные торговые связи с Востоком были свободными и беспрепятственными. Корабли торговых городов часто привозили чуму: более того, прежние случаи *великой смертности* сами были вызваны мореплавателями. Так как в конце осени 1347 года четыре корабля с больными чумой вернулись из Леванта в Геную, болезнь распространилась там с поразительной быстротой. В связи с этим в следующем году генуэзцы запретили входить в свой порт подозрительным кораблям. Они отплыли в Пизу и другие города на побережье, где природа уже сделала такие мощные приготовления к приему Черной чумы, и в результате произошло то, что мы уже описали.¹⁹⁰

В 1485 году, когда среди городов Северной Италии Милан особенно остро ощутил на себе бедствие чумы, в Венеции был создан специальный совет здоровья, состоящий из трех дворян, которые, вероятно, старались сделать все возможное, чтобы предотвратить проникновение этой болезни, и постепенно привели в действие все те правила, которые в последующие времена послужили образцом для других южных государств Европы. Их

усилия, однако, не увенчались полным успехом; поэтому в 1504 году их полномочия были расширены за счет предоставления им права жизни и смерти над теми, кто нарушал предписания.¹⁹¹ Вероятно, санитарные законы были впервые введены в 1527 году, во время смертельной чумы¹⁹², которая посещала Италию в течение пяти лет (1525-30) и вызвала удвоенную осторожность.

Первые лазареты были основаны на островах, расположенных на некотором расстоянии от города, по-видимому, еще в 1485 году. Здесь задерживали всех чужестранцев, прибывших из мест, где подозревали наличие чумы. Если она появлялась в самом городе, больных вместе с семьями отправляли в так называемое Старое Лазаретто, снабжали провизией и лекарствами, а когда они выздоравливали, их вместе со всеми, кто имел с ними сношения, еще сорок дней держали в Новом Лазаретто, расположенном на другом острове. Все эти правила с каждым годом совершенствовались, а их необходимая строгость усиливалась, так что с 1585 года не допускалась апелляция на приговор Совета здоровья; и другие торговые страны постепенно поддержали венецианцев, приняв соответствующие правила.¹⁹³ Векселя о здоровье, однако, не были всеобщими до 1665 года.¹⁹⁴

Назначение сорокадневного заключения, откуда карантин получили свое название, не было продиктовано капризом, но, вероятно, имело медицинское происхождение, которое частично вытекает из доктрины критических дней; ведь сороковой день, согласно наиболее - центрированным представлениям, всегда считался последним для острых заболеваний и пределом разделения между ними и хроническими. Было принято подвергать женщин, лежащих в постели в течение сорока дней, более тщательному наблюдению. В медицинских трудах также много говорилось о сорокадневных эпохах в формировании плода, не говоря уже о том, что алхимики ожидали более длительных революций через сорок дней, этот период они называли философским месяцем.

Поскольку этот период, по общему мнению, преобладает в естественных процессах, было разумно предположить и юридически закрепить его как необходимый для развития скрытых принципов заражения, так как государственные правила не могут обойтись без решений такого рода, даже если они не должны быть полностью оправданы природой случая. Большое внимание уделяется также теологическим и правовым основаниям, которые, безусловно, имели больший вес в XV веке, чем в более современные времена.¹⁹⁵

Однако мы не можем решать этот вопрос, поскольку наша единственная цель - указать на происхождение политического средства защиты от болезни, которая была величайшим препятствием для цивилизации на памяти человека; средства, которое, подобно вакцине Дженнера после оспы, опустошавшей Европу в течение двенадцатисот лет, уменьшило сдерживание, которое смертность накладывает на прогресс цивилизации, и таким образом придало жизни и нравам народов этой части мира новое направление, результат которого мы не можем предвидеть.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

I.

Das alte Geisslerlied

- Sve siner sele wille pleghen
De sal gelden unde weder geuen
So wert siner sele raed
Des help uns leue herre goed
- 5 Nu tredet here we botsen wille
Vle wi io de hetsen helle
Lucifer is en bose geselle
Sven her hauet
Mit peke he en lauet
- 10 Datz vle wi ef wir hauen sin
Des help uns maria koninghin
Das wir dines kindes hulde win
Jesus crist de wart ge vanghen
An en cruce wart he ge hanghen
- 15 Dat cruce wart des blodes rod
Wer klaghen sin marter unde sin dod
Sunder war mide wilt tu mi lonen
Dre negele unde en dornet crone
Das cruce vrone en sper en stich
- 20 Sunder datz leyd ich dor dich
Was wltu nu liden dor mich
So rope wir herre mit luden done
Unsen denst den nem to lone
Be hode uns vor der helle nod
- 25 Des bidde wi dich dor dinen dod
Dor god vor gete wi unse blot
Dat is uns tho den suden guot
Мария Муотер Конингхе
Дор динес леуен киндес минне
- 30 Al unse nod si dir ghe klaghet
Des help uns moter maghet reyne.
De erde beuet och kleuen de steyne
Lebe hertze du salt weyne
Wir wenen trene mit den oghen
- 35 Unde hebben des so guden louen
Mit unsen sinnen unde mit herten
Dor uns leyd crist vil manighen smertzen

Nu slaed w sere
Dor cristus ere.

40 Dor god nu latet de sunde mere
Dor god nu latet de sunde varen
Se wil sich god ouer uns en barmen
Maria stund in grotzen noden
Do se ire leue kint sa doden

45 En svert dor ire sele snet
Sunder dat la di wesen led
In korter vrist
God tornich ist
Jesus wart gelauet mid gallen

50 Des sole wi an en cruce vallen
Er heuet uch mit uwen armen
Dat sic god ouer uns en barme
Jesus dorch dine namen dry
Nu make uns hir van sunde vry

55 Jesus dor dine wnden rod
Be hod uns vor den gehen dod
Dat he sende sinen geist
Und uns dat kortelike leist
De vrowe unde man ir e tobreken

60 Dat wil god selven an en wreken
Sveuel pik und och de galle
Dat gutet de duuel in se alle
Vor war sint se des duuels spot
Dor vor behode uns herre god

65 De e de ist en reyne leuen
De had uns god selven gheuen
Ich rade uch vrowen unde mannen
Dor god gy solen houard annen
Des biddet uch de arme sele

70 Dorch god nu latet houard mere
Dor god nu latet houard varen
So wil sich god ouer uns en barmen
Cristus rep in hemelrike
Sinen engelen al gelike

75 De cristenheit wil mi ent wichen
Des wil lan och se vor gaen

Maria bat ire kint so sere
Lene kint la se di boten
Dat wil ich sceppen dat se moten
80 Bekerensich.
Des bidde ich dich
Gi logenere
Gy meynen ed sverer
Gi bichten reyne und lan de sunde uch ruwen
85 So wil sich god in uch vor nuwen
Owe du arme wokerere
Du bringest en lod up en punt
Dat senket din an der helle grunt
Ir morder und ir straten rouere
90 Ir sint dem leuen gode un mere
Ir ne wilt uch ouer nemende barmen
Des sin gy eweliken vor loren
Were dusse bote nicht ge worden
De cristenheit wer gar vorsunden
95 De leyde duuel had se ge bunden
Мария потеряла унсен бант
Sunder ich saghe di leue mere
Sunte peter is portenere
Wende dich an en he letset dich in
100 He bringhet dich vor de koninghin
Leue herre sunte Michahel
Du bist en plegher aller sel
Be hode uns vor der helle nod
Dat do dor dines sceppers dod

Древняя песня флагеллантов

ПО ИЗДАНИЮ МАССМАННА В СРАВНЕНИИ С МС. ПРОФЕССОРА ЛАХМАНА.

(Перевод).

Тот, кто хочет спасти свою душу,
Должен заплатить и вернуть долг.

О безопасности своей он должен позаботиться:
Помоги нам, Господи, достичь этого результата.

5 Кто раскаивается в своих преступлениях, приблизьтесь.
Из горящего ада мы бежим,
От злой компании сатаны.
Кого он ведет
Он питается податью.

10 Если мы будем мудры, то убежим.
Мария! Царица! Мы уповаем на тебя,
Чтоб Сын Твой к сочувствию подвигнул.
Иисус Христос был пленен,
И к кресту был прикован.

15 Крест покраснел от его крови.
И мы сожалеем о его мученической смерти.
"Грешник, можешь ли ты меня искупить,
"Три острых гвоздя, терновый венец,
"Святой крест, копье, рана,

20 "Вот жестокие муки, которые я нашел.
"Что ты, грешник, понесешь за меня?"
Господи, громким голосом мы отвечаем Тебе,
Прими нашу службу в ответ,
И спаси нас, чтобы мы не горели в аду.

25 Мы, через смерть Твою, к Тебе прибегли.
За Бога небесного мы кровь свою пролили:
Это за грехи наши послужит ко благу.
Благословенная Мария! Мать! Царица!
Через искупительную жертву любимого Сына твоего

30 Да будут все наши желания Тебе исполнены.
Помоги нам, Мать! Безупречная Дева!
Дрожит земля, скалы раскалываются, [196](#)
Сердце мое нежное, ты должна уступить.
Слезы из наших скорбных глаз;

35 Поэтому так твердо мы веру храним
Всем сердцем и всеми чувствами.
Христос претерпел муки за наши преступления.
Смирись с бичом ради Иисуса,
И Бог через Христа возьмет ваши грехи.

40 Ради любви к Богу откажитесь от греха,
Исправлять свои порочные жизни начните,

Так и мы его милость завоюем.
Ужасна была боль Марии.
Когда она увидела, что ее любимый убит,
45 Душа ее была пронзена, как дротиком:
Грешник, пусть это затронет твое сердце.
Близится время
Когда Бог в гневе явится.
Иисус освежился желчью:
50 Простершись крестообразно, падем мы,
А потом с воздетыми руками встанем,
Чтоб Бог с нами сочувствовал.
Иисус, три титула Твоих, 197
От рабства нас освободи.
55 Иисус, драгоценной кровью Твоей
Спаси нас от огненного потопа.
Господи, защити нашу беспомощность,
И на помощь нам дух Твой пошли.
Если муж и жена нарушат свои обеты
60 Бог за это отомстит.
Сера и смола, и желчь,
Сатана выливает на таких грешников.
Воистину, дьявол их презирает:
Поэтому, Господи, о помощи Твоей мы молимся.
65 Брачный союз - благородная связь.
Который сам Бог освящает.
С этим предупреждением, человек, оставайся,
Бог непременно накажет гордыню.
Пусть твоя драгоценная душа умоляет тебя,
70 Отбрось гордыню, чтобы не настигло тебя возмездие.
Я умоляю вас, отбросьте гордость,
Чтобы Бог нас пожалел.
Христос на небесах, где Он повелевает,
так обратился к своим ангелам: -
75 "Христианство бесчестит меня,
"Поэтому ее гибель я предписываю".
Тогда Мария обратилась к своему сыну с мольбой: -
"Покаяние для тебя, любимое дитя, да будет совершено;
Чтоб покаялась она - забота моя";
80 Уйми же гнев твой и услышь мою молитву.

Вы лжецы!
Вы, нарушившие таинство,
Встряхнитесь и покайтесь.
Искренне раскаивайтесь в своих отвратительных грехах,
85 И Господь обновит ваши сердца.
Горе ростовщику, хотя богатство его велико,
За каждую унцию, что ты делаешь фунтом.
Погрузит тебя в преисподнюю глубокую.
И убийцы, и грабители все,
90 Гнев Божий на вас падет.
Милосердие к другим не проявляйте,
Никого не найдете вы, лишь бесконечное горе.
Если бы не наше раскаяние,
Все христианство погибло бы.
95 Сатана заковал ее в свои цепи;
Мария вновь ослабила свои узы.
Радостную весть несу я тебе, грешный смертный,
На небесах Святой Петр хранит портал,
Обратись к нему с мольбой,
100 Он приведет тебя к королеве твоей.
Блаженный Михаил, благословенный святой,
Хранитель душ, прими наши мольбы.
Через смерть твоего Всемогущего Создателя,
Сохрани нас от преисподней.

II.

Допрос евреев, обвиненных в отравлении колодцев. 198

Ответ кастеляна Шильона городу Страсбургу вместе с копией инквизиции и признанием нескольких евреев, заключенных в Шильонском замке по подозрению в отравлении. Anno 1348.

Достопочтенным мэру, сенату и гражданам города Страсбурга кастелян Шильона, заместитель судебного пристава Шаблэ, шлет приветствие со всей покорностью и уважением.

Понимая, что вы желаете ознакомиться с признанием евреев и доказательствами, выдвинутыми против них, я удостоверяю этими документами вас и каждого из вас, кто желает быть в , что они из Берна получили копию инквизиции и признания евреев, которые в последнее время проживали в указанных местах и были обвинены в подсыпании яда в

колодцы и некоторые другие места; а также самые убедительные доказательства истинности выдвинутого против них обвинения. Многие иудеи были подвергнуты допросу, другие же были освобождены от него, так как признались, и были преданы суду и сожжены. Несколько христиан, которым иудеи подсунили пуасон с целью уничтожения христиан, были посажены на колесо и подвергнуты пыткам. Это сожжение евреев и пытки упомянутых христиан происходили во многих частях графства Савоя.

Всего вам доброго".

Признание, сделанное в 15-й день сентября в год Господа нашего 1348 в Шильонском замке евреями, арестованными в Нойштадте по обвинению в отравлении колодцев, источников и других мест, а также пищи и т. д. с целью уничтожения и истребления всех христиан.

I. Балавинь, еврейский врач, житель Тонона, был арестован в Шильоне, так как его нашли в окрестностях. Его на короткое время посадили на дыбу, а когда сняли, он после долгих колебаний признался, что примерно за десять недель до этого раввин Иаков из Толедо, который по какой-то причине проживал в Шамбери с Пасхи, прислал ему через еврейского мальчика яд в мумии яйца: Это был порошок, зашитый в тонкий кожаный мешочек, к которому прилагалось письмо, повелевавшее ему под страхом отлучения от церкви и обязательного соблюдения закона бросить этот яд в более крупные и посещаемые колодцы города Тонона, чтобы отравить тех, кто черпает там воду. Кроме того, ему было предписано не сообщать об этом обстоятельстве никому, под угрозой того же наказания. Выполняя это повеление иудейских раввинов и докторов закона, он, Балавигнус, раздал яд в нескольких местах и признался, что однажды вечером положил определенную порцию под камень в источнике на берегу в Тононе. Он также признался, что упомянутый мальчик принес различные письма подобного рода, адресованные другим представителям его нации, и в частности указал некоторые, адресованные по отдельности Моссойету, Бандитону и Самолето из Нойштадта; Муссео Абрамо и Аквету из Монреанца, евреям, проживающим в Турне в Вивее; Бенетону и его сыну в Санкт-Морице; Вивиану Якобусу, Аквету и Сонету, евреям в Аквани. Несколько писем подобного рода были отправлены Абраму и Муссе, евреям из Мончеоли; мальчик рассказал, что отвез много других писем в разные и отдаленные места, но не помнит, кому они были адресованы. Далее Балавигнус признался, что, подсыпав яд в источник в Тононе, он категорически запретил своей жене и детям пить воду, но не счел нужным объяснить причину. Он поклялся в истинности этого заявления и в присутствии нескольких заслуживающих доверия свидетелей поклялся своим Законом и Пятикнижием Моисея во всех пунктах своих показаний.

На следующий день Балавиньус добровольно и без пыток дословно подтвердил вышеприведенное признание перед многими известными людьми и по собственной воле признал, что, возвращаясь однажды из Тура близ Вивея, он бросил в колодец под Муструэзом, а именно под Ла-Конерайдом, некоторое количество яда, завязанного в тряпку, которую дал ему для этой цели Аквет Монреанский, житель упомянутого Тура: что он ознакомил Мансионо и его сына Делосаза, жителей Нойштадта, с обстоятельствами своего поступка и посоветовал им не пить воду. Он описал цвет яда как красный и черный.

В девятнадцатый день сентября вышеупомянутый Балавигнус признался без пыток, что примерно через три недели после Витсунтида еврей по имени Муссус сказал ему, что он бросил яд в колодец в таможене этого места, принадлежащий семье Борнеллер, и что он

больше не пьет воду из этого колодца, а пьет воду из озера. Далее он заявил, что Муссус сообщил ему, что он также положил немного яда под камни в таможене в Шильоне. Соответственно, в этом колодце были произведены поиски, и яд был найден: немного яда дали на пробу одному еврею, и он умер в последовательности соп. Он также заявил, что раввины приказали ему и другим евреям воздерживаться от питья воды в течение девяти дней после того, как в нее был влит яд; и, немедленно отравив воду, он сообщил об этом другим евреям. Он, Балавинь, признался, что около двух месяцев назад, находясь в Эвиане, он беседовал на эту тему с евреем по имени Иаков и, среди прочего, спросил его, получил ли он также письма и яд, на что получил утвердительный ответ; затем он спросил его, выполнил ли он приказ, и Иаков ответил, что нет, но отдал яд еврею Савету, который бросил его в колодец де Морер в Эвиане. Иаков также попросил его, Балавигнуса, исполнить наложенное на него повеление с должной осторожностью. Он признался, что Аквет из Монреанца сообщил ему, что бросил немного яда в колодец над Туром, воду из которого он иногда пил. Он признался, что Самолет сказал ему, что положил полученный им яд в колодец, который, однако, он отказался назвать. Балавигнус, как врач, далее утверждал, что если человек, зараженный таким ядом, соприкоснется с другим человеком, находящимся в состоянии пота, то заражение будет почти неизбежным результатом; то же самое может произойти и от дыхания зараженного человека. Этот факт он считал верным, и его мнение подтверждалось свидетельствами многих опытных врачей. Он также заявил, что никто из его окружения не может оправдаться от этого обвинения, так как заговор был сообщен всем; и что все виновны в вышеупомянутых обвинениях. Балавиньи перевезли через озеро из Шильона в Кларенс, чтобы указать колодец, в который он, по его признанию, бросил порох. По приземлении его провели на место; увидев колодец, он признал, что это то самое место, сказав: "Это тот самый колодец, в который я бросил яд". Колодец был осмотрен в его присутствии, и льняная ткань, в которую был завернут яд, была найдена в сточной трубе нотариусом по имени Генрих Герхард в присутствии многих людей и показана еврею. Тот признал, что это та самая льняная ткань, в которой находился яд, по его словам, двух цветов, красного и черного, но сказал, что бросил ее в открытый колодец. Льняную ткань забрали и сохранили.

В заключение Балавигнус подтверждает истинность всего и вся, о чем говорилось выше. Он считает, что в этом яде содержится часть василиска, потому что слышал и был уверен, что без него невозможно приготовить вышеупомянутый яд.

II. Бандитано, еврей из Нойштадта, пятнадцатого сентября был на короткое время подвергнут пытке. После долгого перерыва он признался, что бросил в колодец Карутет количество яда размером с крупный орех, которое дал ему еврей Муссей в Туре близ Вивея, чтобы отравить тех, кто из него выпьет.

На следующий день Бандитано добровольно и без пыток подтвердил истинность вышеупомянутых показаний, а также признался, что раввин Якоб фон Паше, приехавший из Толедо и поселившийся в Шамбери, прислал ему в Пильекс через слугу-еврея яд размером с крупный орех вместе с письмом, в котором предписывалось под страхом отлучения бросить порошок в колодцы. Поэтому он бросил яд, зашитый в кожаный мешок, в колодец Церклити де Рош; кроме того, он видел в руках слуги много других писем, адресованных разным евреям; он также видел, как упомянутый слуга передал одно из них с внешней стороны верхних ворот Самулету, еврею, в Нойштадте. Он также заявил, что еврей Массолет сообщил ему, что он подсыпал яд в колодец у моста в Вивее.

III. Упомянутый Мансионо, еврей из Нейштадта, был поставлен на дыбу в пятнадцатый день того же месяца, но отказался признать вышеупомянутое обвинение, заявив о своем полном неведении относительно всего этого дела; Но на следующий день он добровольно и без всяких пыток признался в присутствии многих лиц, что однажды в прошлую витушневелю он пришел из Манчеоло в компании с евреем по имени Провенцаль, и, дойдя до колодца Чаблос-Крюэс между Вьоном и Мурой, тот сказал: "Ты должен опустить в этот колодец немного яда, который я тебе дам, или горе тебе!" Он взял порцию порошка величиной с орех и сделал то, что ему было велено. Он полагал, что евреи в окрестностях Эвиана собрали совет по поводу этого заговора перед Витсунтидом. Далее он сказал, что Балавиньи сообщил ему о том, что отравил Колодец де ла Конерайд под Муструэзом. Он также подтвердил свою убежденность в виновности евреев в этом деле, заявив, что они были полностью ознакомлены со всеми деталями и виновны в предполагаемом преступлении.

На третий день октября Мансионо предстал перед членами комиссии и ничуть не изменил своих прежних показаний и не отрицал, что подсыпал яд в упомянутые колодцы.

Вышеупомянутые евреи перед казнью торжественно поклялись своим законом в истинности своих показаний и заявили, что все евреи, начиная с семи лет и старше, не могут быть освобождены от обвинения в вине, так как все они были знакомы с заговором и в большей или меньшей степени участвовали в преступлении.

[Семь других экспертиз почти не отличаются от вышеприведенных, разве что именами обвиняемых, и не вносят большого разнообразия. Поэтому мы добавим лишь характерный отрывок в заключение этого документа. Все говорит само за себя].

Остаются многочисленные доказательства и обвинения против вышеупомянутых евреев, а также против евреев и христиан в разных частях графства Савойя, которые уже понесли наказание, причитающееся за их чудовищное преступление; которых, однако, у меня нет под рукой, и поэтому я не могу их вам выслать. Я должен добавить, что все евреи Нойштадта были сожжены по справедливому приговору закона. В Аугсте я присутствовал при сожжении трех христиан за соучастие в заговоре с отравлением. Очень многие христиане были арестованы за это преступление в различных местах этой страны, особенно в Эвиане, Гебенне, Крузилиене и Хохштетте, которые, наконец, в свои предсмертные минуты были вынуждены признаться и признать, что получили яд от евреев. Некоторых из этих христиан четвертовали, других распластали, а затем повесили. Магистраты назначили определенных комиссаров для исполнения приговора над всеми евреями, и я полагаю, что ни один из них не уйдет.

III.

Отрывки из "Бока или совета против болезни, обычно называемой потливостью или потной болезнью", составленного Джоном Кайусом, доктором в Физике, - напечатано в Лондоне. A. D. 1552.

"До этого я рассказал о начале, названии, природе и признаках этой болезни: теперь я расскажу о причинах, которые заключаются в следующем: инфекция и нечистые духи в телах, испорченных переполнением. Заражение, когда воздух принимает эуелевые качества, искажает не только тело, но и дырявую субстанцию его, в путрифиционге том же, и это, как

правило, ii waies. По времени года естественного, а также по природе и месту местности и региона, где могут быть помещены конкретные происшествия этого же. По времени года вннатурального, как если зима будет жаркой и сухой, лето жарким и влажным (подходящее время для пота), весна холодной и сухой, осень жаркой и влажной. К этому май быть ioyned euel disposition by constellation, whiche has a great power & dominion in al erthly thinges. По месту и природе соития и региона, многими способами. Во-первых и особенно, от euel mistes & exhalations drawn out of the grounde by the sunne in the heate of the yeare, as chanced among the Grekes in the siege of Troy, whereby died firste dogges & mules, after, men in great numbre: & here also in England in this M.D.L.I. yeare, the cause of this pestilent sweate, but of dyuers nature. В графстве, где он начался, был такой туман, перелетающий от туна к туну, с таким штилем по утрам и вечерам, что люди с трудом могли его переносить. Затем сырость из земли, как из Галенского Баратрама, или из поэтов Ауэрнума, или Аорнума, причем сырость эта была такова, что в ^{ней} летали птицы. Подобные сырости я слышал на севере страны в ямах, где прямо убивают работающих людей, если только перед часом прихода туда (° чем они знают по пламени свечи) они не уходят в землю. В-третьих, гниение или разложение в земле после сильных пожаров, в карионах и в мертвецах. После великих пожаров, как это случилось во времена Галлиена императора в Риме, в Ахайе и Ливии, когда моря надолго затопили города вблизи от ^{них}. И в XI год Пелагия, когда по всей Италии свирепствовали бури, но главным образом Тибрис в Риме, который во многих местах был выше стен города.

В карионах или мертвых телах, как это случилось в Англии на морских отмелях во времена короля Алуредда или Альфреда (как пишут некоторые летописцы), а также во времена Этельреда после Сабеллика, по случаю утонувшей саранчи, выброшенной морем, которая по воле случая была выведена из Фраунса. Эта саранча - муха величиной с мужской большой палец, цветом коричневая, формой несколько похожа на кузнечика, имеет VI фите, столько крыльев, два титечка и хед, как у лошади, и поэтому называется в Италии Caualletto, где в городе Падоа, в год M.D.XIII. (как я помню), я со многими другими видел рой них, чей проход через город длился два часа, в ширину неоценимый для каждого человека там. Здесь на примере можно заметить, что заражение мертвецами в войнах, либо гниющими в земле, как это случилось в Афинах с эфиопами, либо погребенными под землей, как это случилось в Буллоине, в год M.D.XIV. после того, как король Генрих Светлый завоевал его, либо долгое пребывание войска в одном месте, более воспроизводится на ежедневном опыте, чем это нужно показывать.

Поэтому я перейду теперь к четвертой особой причине заражения, пент-айеру, вырывающемуся из земли при землетрясениях, как это случилось в Венеции в первый год правления Андреа Дандуло, тогдашнего герцога, в XXIV день января и XX час после их исчисления. От этой инфекции умерли многие, и многие родились раньше срока. V причина - тесный и непроветриваемый воздух и, следовательно, гниение или разложение, из старых колодцев, отверстий в земле, сделанных для зерна, которых много я видел в Пезаро и около него в Италии, открывая их после большого пространства, как обе эти страны признают и также примером объявляют, ибо многие при открытии их неосознанно погибают. Также из кузниц и гробниц, как это произошло сначала в стране Вавилонии, а затем в Греции, и так до Рима, по случаю того, что ^{юные} соулдиры императора Марка Антонина, надеясь на деньги, разбили золотой гроб Авидия Кассия, проделав в нем небольшое отверстие, в храме Аполлона в Селевкии, как пишет Аммиан Марцеллин. К ним можно отнести особые причины заражения, которые я называю случайностями места, увеличивающими то же самое. Как, например, близкие к жилым местам мерисы и грязные земли, лужи или донги, пазухи или каналы, пологие места или карионы, мертвые канавы или гнилые земли, близкие к домам или уалям, и тому подобное. Таким образом, это первая причина.

Второй причиной этой Englyshe Ephemera, я сказал, были бестелесные духи в телах, поврежденных переполнением. Переполнение я называю здесь, изобилие humores eucl & maliciouse, с долгого времени мало и мало собраны eucl diete, оставаясь в bodye, приходя либо к moche meat, или eucl meat в качестве, как зараженные frutes, меаты eucl juse или питательных: или оба ioyntly. К таким духам, когда заражающий воздух приходит в согласие, тогда они расстраиваются, развращаются, подвергаются болезненному обращению и угнетению, тогда природа принуждается и порождает болезнь. Но пока я объявляю эти нечистые духи одной причиной, я должен перевести ваши миндесы со спиритов на гуморы, чтобы спириты питались лучшими их частями, и после этого снова привести вас к спиритам, где я вас толкаю. И поскольку я еще не забыл, кому я пишу, в этой декларации я отожду от всех заученных и тонких причин, которые здесь недействительны и не имеют смысла, и изложу только те, которые наиболее понятны тому, кому я пишу, и легче всего будут поняты им же: и в них я покажу также, почему это преследует нас, англичан, больше, чем другие народы. Итак, я рассказываю о нежном запахе пота, о его густоте, цвете и других качествах, о его количестве, о том, как он останавливается, о том, как он идет дальше - быстро или с трудом, горячий он или холодный, о нотах в экскрементах, о том, в каком состоянии он находится - долгом или болезненным, и о других подобных вещах, которые могут быть признаками испорченных чувств и духов. и онли будет стоять на III причинах, объявляющих, что те же самые люди, которых постигло сильное истощение, не иначе как склонны к этой болезни, более чем другие народы. Ибо, как я покажу, и Гален подтвердит, наши тела не могут вынести ничего или повредить от испорченных и инфекционных причин, если только в них не будет определенного материала, подготовленного к восприятию этого, иначе, если бы один был болен, все должны были бы быть больны, если в этой стране, то во всех странах, откуда пришла инфекция, что, как мы видим, не случайно. Что же касается первой причины, то мы считаем, что эта мечущаяся болезнь или язва Эфемера часто бывает в Англии, но никогда не заходит в Шотландию (кроме границ), хотя обе они находятся в пределах моря. То же самое, начавшись здесь, напало на Брабант и близлежащие к нему земли, но никогда не проходило через Германию, где оно было в таком же положении, как здесь, с большой смертностью, в год M.D.XXIX. Причина, по которой нет ничего другого, естественна, а именно: рацион этих трех стран, которые уничтожают больше мяса и сухарей без всякого порядка, без времени, причины или необходимости, чем Шотландия или все другие страны под солнцем, к большому ущербу для их собственных тел и виттов, препятствию тем, кто их имеет, и большому недостатку и скудости в их общих велтах. Поэтому, если бы Эскулапий, врожденный Фисик, избавитель людей от смерти и восстановитель жизни, снова вернулся в этот мир, он не смог бы избавить этих людей, имеющих столько пота, столько убойных веществ в запасе, от этой неприятной, страшной и пагубной болезни: разве что они научились бы новому занятию и новому ремеслу. Ибо в противном случае, ни auoidyng этой страны (вторая причина), ни fleying в другие, (общее убежище в других болезнях) будет preserue нас, англичан, как в этом последнем пот опыт хорошо доказано в Cales, Антверпен, и другие места Брабанта, где только наши contrimen ware sicke и никто другой, кроме одного или двух других из thenglyshe diete, что также следует отметить. (Fol. 13-17.)

Третья и последняя причина заключается в том, ^{что} те, у кого пот проливался от болезни или смерти, были либо людьми благополучными, легкими и благоденствующими, либо людьми более бедного сорта, такими, как праздные люди, любители выпить эля и трактирщики. Ибо ^{эти} люди, благодаря большому благосостоянию одного рода и большому количеству выпитого другого, накапливали в своем теле много тяжелой материи, а по своей легкости и праздности не могли ее растратить и употребить. Подтверждением этого является то, что трудолюбивые

и худые люди либо не имели ее, потому что ели мало, чтобы сделать материю: либо без особой опасности, потому что трудились не покладая рук. Поэтому из малой причины обязательно следует малое следствие. Все эти причины идут к этому концу, что люди всех стран умеренных и хороших диет, избежать вашего английского Ephemera, и те быть только vexed там с, которые еше быть неумеренным и euill диеты. Но почему? Только ли из-за дурного настроения и разврата? Нет, ибо в таком случае должна подняться язва, а не свирель. Для чего же? Для того, чтобы нечистые духи развращались в них и заражали их. Почему так? Потому что из нечистых и развращённых душ, будь то кровь или другие, может подняться не кто иной, как нечистые духи. Ибо всякая болезнь такова, какова та, от которой она происходит. О том, что из лучших и лучших тел, да и в тленных телах (почему лучшее - ничто) эти духи зарождаются и питаются, я уже говорил. Поэтому тот, кто хочет иметь их чистыми и непорочными, а себя свободным от пота, должен придерживаться чистой и непорочной диеты, и тогда он будет уверен. (Фол. 20-21.)

Кто желает жить в спокойной уверенности, вне содовой опасности этой английской эфемеры, тот должен питаться и не жалеть всех вещей, маленьких и хороших; последняя часть этого хорошо нравится (я не сомневаюсь) нам, англичанам: первая, я думаю, не будет делом. Тем не менее, это должно радовать тех, кто намерен жить без reche этой болезни. Таким образом, они смогут легко избежать ее. Ибо из того, что хорошо, нельзя произвести ничего хорошего: из того, что мало, нельзя собрать никакого большого запаса. Поэтому helthful должен он nedes быть и свободным от этой болезни, что vsethe этот вид liuynge и maner в dietynge. Пример этого может быть мудрый человек Сократ, который с помощью этого рода диеты избежал тяжелой язвы в Афинах, neuer fleynge ни keryng закрыть его selfe от того же. Воистину, кто будет жить в согласии с природой, а не с похотью, может быть вполне доволен этой диетой. Ибо природа довольствуется малым, и не ищет иного, как того, чтобы ум, избавленный от забот и страхов, пребывал в тишине и покое, а тело, избавленное от жадности, могло быть в жизни счастливым, как пишет Лукреций. Здесь же, чтобы до тех пор, пока моя братия не будет израсходована, как на общем месте, против неумеренности или чрезмерной диеты Англии, товаров и неудовольствий тех же многих стран: и напротив, в похвалу meane diete и умеренности (названной Платоном sophrosyne, за то, что она conserueth wisdom) и thousande commodities itof, both for helthe, welthe, witte and longe life, well I might, & lose my laboure: such be our Englishe facions rather then reasones. But for that I purpose neither to wright a long worke but a shorte counseill, nor to wery the reders with that they luste not to here, I will lette that passe, and moue them that desire further to knowe mynde therin, to remember that I saidd before, of litle & good eate and spare not, wherby they shall easy perceiue my meanyng. I therefore go furth with my diete, wherin my counseill is, that the meates be helthfull, and holsomly kylled, swetly saued, and wel prepared in rostyng, sethyng, baking, & so furth. Хлеб из свиного зерна, хорошо вымоченный и испеченный. Напитки из солода и хорошей воды, которые были заготовлены впрок, без других напитков, которые сейчас используются. Никакого вина во все время потения, кроме тех, чьи болезни требуют его для лечения, от воспалений и воспалений, и кроме того, чтобы половина была хорошо прокипяченной водой. В остальное время старая, чистая и мелкая. Желая для лучшего исполнения сего и для наблюдения за добрыми и полезными победами, назначены были в каждом городе и туне определенные магистры здоровья, как это есть в Италии, которые для хорошего порядка во всех делах могут быть во всех местах примером. Мясо, которое я бы хотел, чтобы было веале, муттоне, кидде, олд ламбе, чикин, капоне, хенне, коке, пертриче, фесан, фельфар, мелкие птицы, голубь, йонг пекок, чья плоть по определенному естественному и секретному свойству никогда не протухает, как это уже было доказано. Кони, свиньи среднего возраста, ни

жирные, ни постные, шкуру отнимают, жарят и едят холодными. Тарты из чернослива, желе из телятины и каплуна. В этом случае не следует пренебрегать небольшим количеством молочных продуктов, а также новыми яйцами и хорошим молоком. Масло в утренний час с шалфеем и повторный пост в потное время - хорошее средство, кроме того, оно питает. Крабы, краусы, пикрели, першевые ерши, гогионы, лампреи из грауэльских риуров, корюшки, ужи, барбусы, горихвостки, белуги, подошвы, фландеры, камбалы, мельничные пальцы, миноги °другими, натертые в воде и уксусе °розмарином, временем, шалфеем, булавами и дырчатыми булавами, а также в сытой пище. Да солить рыбу и линь, ради соли, чтобы вымыть ее, которая во многих свежих рыбах остается, может быть позволено хорошо поливать тем, кто не имеет другой и хорошо любит ее. Не все рыбы, не более чем все плотвы, могут быть так полезны, как они принимаются за рыбу: как хорошо объявлено в физике, и доказано старыми и мудрыми римлянами, что они мочились в своих рыбах, похотливые шартузиане - не в плоти, а беспомощные бедняки - больше в плоти, чем в плоти. Но мы теперь в наше время так изящны, а женщины так нежны, что не можем прикоснуться к фиссу. Старая мужская твердость, мужество и стойкость Англии сильно угасли, и теперь мужчины, получив женские линии, становятся милыми, не в силах выдержать ни блейста вайнда, ни сопротивления бедной фише. А детей так воспитывают, что если они не сидят у огня с тостом и бутиром и не лежат в мехах, то сильно болеют.

Соусы к блюдам я назначаю сначала из всех видов мяса с хорошим аппетитом, а затем из оливье, каперсов, лимонов, барбарисов, гранатов, оренги и сореля, вири и винигрета, из недозрелого винограда, тепе или гесеберии. После метелки, айвы или мармелада, гранатов, оренги, нарезанных с сахаром, суккатов из таблеток или коры их, а также из помецитров, старых яблок и пере, брунсов, рейсонов, фиников и орехов. Инжир также, чтобы он был принят перед обедом, но не плоды того года, не трава и не гниль в салатниках, ибо в такие времена они подозреваются в причастности к зараженному аиру. (Fol. 21 - 24.)

Я отдаю вас на усмотрение сведущего во врачевании человека, который может судить, что и как следует делать, в соответствии с настоящим состоянием ваших тел, природой, положением и собственностью, возрастом, силой, здоровьем и качеством, временем года и другими обстоятельствами, и впоследствии определить количество и сделать диуерсити своего лекарства. В противном случае не принимайте через эту лодку то добро, которое я даю, а то, которое вы сами по своей воле приносите. Ибо добрым советом можно злоупотребить. И для меня писать о каждом конкретном имени и деле, коих столько, сколько людей, было бы столь великим занятием, что можно было бы перечислить пески в море. Поэтому найдите себе хорошего врача и знатока мастерства, и, по крайней мере, будьте так добры к своим телам, как к своим сапогам или ботинкам, чтобы делать или чинить их, я не сомневаюсь, но вы будете усердно искать, кто известен как лучший сапожник или мастер в том месте, где вы живете: и бегите от неучей, как от моровой язвы в общинном богатстве. Как простые женщины, так и плотники, оловянщики, брадобреи, сопальщики, пултеры, хостельеры, маляры, апотекарии (иначе говоря, за их капли.), которые приходят из Полюса, Константинополя, Италии, Алмании, Испании, Фраунса, Греции и Турции, Иуды, Египта или Юрия: от службы императоров, королей и quienes, обещающих помощь от всех болезней, да неизлечимых, одним или двумя напитками, водами по шесть монет в непрерывной перегонке, Aurum potabile, или квинтэссенцией, сушками больших и высоких цен, как если бы они были сделаны из солнца, луны или стерляди, благословениями и дуновениями, ипокритическими молитвами, и дымящимися рубашками, носками и керчифами, с такими же призраками и насмешками, не имеющими в виду ничего другого,

кроме как злоупотреблять вашей светлой верой и пугать вас за спиной своими лекарствами (настолько мерзкими, что мне стыдно их называть) за ваше единственное остроумие и простую веру, в доверии к ним, которых вы совсем не знаете и меньше всего понимаете: подобно тем, кто думает, что у дальних парней прекрасные фетры, хотя они никогда не бывают такими упитанными и паршивыми: как будто не может быть такого коварного англичанина, как глупый бегущий незнакомец (о других я не говорю) или такого совершенного хелта от честного обучения, как от обманчивого невежества. Ибо в заблуждении этих вненаученных погибает ваша честная оценка, ваши драгоценные души, драгоценные духи и тихая жизнь, то, что больше всего ценится и стоит в этом мире, рядом с бессмертной душой.

Для расходования духа внутри, а также для придания нашим телам пышности, блеска и здоровья, я не мало одобряю упражнения, которые у англичан я считаю быстрыми и легкими: бегать за гончими и гауками, стрелять, играть в теннис и оружие, танцевать балет на ветру, сражаться на базе (это упражнение для джентльмена, которое очень распространено среди итальянцев) и возить на лошади. Боулинг - хорошее упражнение для женщин: кастинг на турнике и кемпинг, я считаю, что это скорее вязка ног, чем упражнение. И все же я с большим уважением отношусь к ним, если вред может быть предотвращен. Для них есть время, соответствующее времени, перед едой: должная мера, разумное потоотделение, во все времена года, саунинг во время потоотделения. В чем я допускаю скорее спокойствие, чем упражнение, для раскрытия тела, в тех людях, которые специально, чтобы быть свободно и свободно воспитаны. Другие, кроме сидящих ремесленников, упражняются ежедневным трудом в своих занятиях, которым ничто не приносит удовольствия, кроме одного только утешения, что полезно для каждого тела, которое стремится жить в здравии. Ибо, как ничто другое, так и исцеление не может быть долговечным.

Так я говорю об утешении, что не имею в виду праздность, желая, чтобы никто не был праздным, но был занят каким-нибудь честным делом, необходимым в общем благополучии. Ибо я считаю их не достойными еды и питья в общегитии, если ^{они}не годятся для какой-нибудь цели или службы в нем, но воспринимаю их скорее как людей, приносящих доход и пользу в течение года, людей, которые рождаются только для того, чтобы наполнить число, и были плодами, которые они делают, желая, чтобы лакедемоняне были старыми и и сгорбленную ассу, которая трудилась для ливня столько, сколько могла по возрасту, а затем и такого праздного англичанина. Если честность и выгода честного труда и упражнений, сохранение здоровья, сохранение от болезней, поддержание жизни, улучшение здоровья, безопасность от позорных смертей, защита от нищенства, несчастья от безделья, позорные болезни от того же, ненавистные пороки и наказание бессмертной души не могут побудить к разумному труду и упражнениям, и быть полезными членами общины, пусть хотя бы стыдятся того, что другие деревенские мужики, ничего не смысля, своим умом, усердием, трудом и деятельностью могут выковырять из брошенной кости, гнутого ремня, лигхты или твердого камня честный лиуинг: И не услышите вы, как они скажут: "Увы, господин, у меня нет занятий, я должен либо просить, либо воровать". Ибо между этими двумя способами они могут найти и другие. И так как в нынешнем случае несчастные люди должны быть обеспечены общим благосостоянием, я бы хотел, чтобы они не порицали праздных, по усмотрению Марка. Цицерон, римлянин, был против того, чтобы лечить их: кто хотел, чтобы сострадание было проявлено к тем, кого необходимость вынудила сделать или совершить ошибку: и никакого сострадания к тем, в ком неисправность вызвала необходимость. Неисправность делает необходимым, в данном случае попрошайничество, в тех, кто мог бы трудиться и служить, но не для праздности; и поэтому их не следует жалеть, а скорее наказывать. Необходимость делает виноватыми тех, кто хотел бы трудиться и служить, но не может по причине возраста,

бессилия или болезни, и поэтому их следует пожалеть и облегчить. Но чтобы отменить наказание и указать путь к поправке, я бы еще раз пожелал, чтобы поскольку мы так сильно распоряжаемся собой для своих собственных прибылей и выгод без посторонней помощи, этот старый закон был отменен, который запрещает неимущим и бессильным родителям освобождаться от тех их благополучных детей, которые по их или по их вине не были воспитаны в добром обучении и науке или в честном занятии. Ибо человек без науки - это так же, как и королевский дом без короля". (Fol. 27 - 30.)

Все эти вещи, должным образом соблюдаемые и хорошо исполняемые, о которых я уже говорил, если мы сможем отбросить все привязанности, такие как беспокойные заботы и мысли, тоскливые или печальные воображения, страхи, глупости, грызущие ненависти, и заставить себя жить спокойно, свободно и весело. как это было принято в старом мире, когда графство называлось Северной Англией, и каждый человек должен заниматься своими делами, считая их достаточными, как это делают в Италии, и вызывать недовольство и разногласия, разрушать общинные богатства и приюты: Я не сомневаюсь, что мы сохраним себя как от этого потливого сикенесса, так и от других болезней, о которых здесь не предполагается говорить". (Fol. 31.)

ФИНИС.

Вертгеймер. Печатник, Леман-ст. Гудманс-Филдс.

ССЫЛКИ:

1 La Mortalega Grande. *Matth. de Griffonibus*. Muratori. Script. rer. Italicar. T. XVIII. p. 167. D. Другие называли их Angumalgia. *Andr. Gratiol*. Discorso di peste. Venet. 1576, 4to. Шведский: *Diger-döden*. *Loccenii* Histor. Suecan L. III. p. 104.- Датский: *den sorte Dod*. *Pontan*. Rer. danicar Histor. L. VIII. p. 476.-Amstelod: 1631, fol. Icelandic: *Svatur Daudi*. Saabye, Tagebuch in Grönland. Введение XVIII. *Mansa*, de Epidemiis maxime momorabilibus, quae in Dania grassatae sunt, &c. Part. I. p. 12. Havniae, 1831, 8.- В Вестфалии было распространено название *de groete Doet*. Мейбом.

2 *Joann Cantacuzen* Historiar, L. IV. c. 8. Ed. Paris, p. 730. 5. Экс-император действительно скопировал некоторые отрывки из Фукидида, как справедливо замечает *Шпренгель* (Appendix to the Geschichte der Medicin. Vol. 1. H. I. S. 73.), хотя, скорее всего, это было сделано лишь для того, чтобы округлить период. Это не наносит ущерба его достоверности, поскольку его утверждения согласуются с другими рассказами.

3 Αποσάσεις μεγάλαι.

4 Μελαίναι φλυχτίδες.

5 ὥσπερ σιγμάτα μέλανα.

6 *Гидон де Каулуако* Хирургия. Трактат 11. c. 5. p. 113. Ed. Lugdun, 1572.

7 Et fuit tantae contagiositatis specialiter quae fuit cum sputo sanguinis, quod non solum morando, sed etiam inspiciendo unus recipiebat ab alio: intantum quod gentes moriebantur sine servitoribus, et sepeliebantur sine sacerdotibus, pater non visitabat filium, nec filius patrem: charitas erat mortua, spes prostrata.

- 8 *Deguignes*, Histoire générale des Huns, des Turcs, des Moguls, &c. Tom. IV. Paris 1758. 4to. p. 226.
- 9 Decameron Giorn. I. Introd.
- 10 С этого времени черные петехии всегда считались смертельными при чуме.
- 11 Весьма обычное обстоятельство при эпидемиях чумы.
- 12 *Auger de Biterris*, Vitae Romanor. pontificum, *Muratori* Scriptor. rer. Italic. Vol. III. Pt. II. p. 556.
- 13 Contin. altera Chronici *Guillelmi de Nangis* in *d'Acher*, Spicilegium sive Collectio Veterum Scriptorum, &c. Ed. de la *Barre*, Tom. iii. p. 110.
- 14 "Все люди умерли от нарывов и воспаленных желез, которые появлялись под мышками и в паху". *Jac. v. Königshoven*, старейшая хроника Эльзаса и Страсбурга, да и всей Германии. Страсбург, 1698. 4. cap. 5, § 86. p. 301.
- 15 *Hainr. Ребдорф*, Анналы, *Марк. Freher*. Germanicarum. rerum Scriptores. Francof, 1624. fol. p. 439.
- 16 *Königshoven*, in loc. cit.
- 17 Аноним. *Leobiens. Chron. L. VI. in Hier. Pez*, Scriptor. rer. Austriac. Lips. 1721. fol. Tom. 1, p. 970. Вышеупомянутые явления здесь называются: *rote sprinkel, swarcze erhubenn und druesz under den üchsen und ze den gemächten*.
- 18 *Ubb. Emmiie* rer. Frisiacar. histor. L. XIV. p. 203. Lugd. Bat. 1616. fol.
- 19 *Guillelmus de Nangis*.
- 20 *Ant. Wood*, Historia et Antiquitates Universit. Oxoniens. Oxon. 1764, fol. L. 1. p. 172.
- 21 *Mezeray*, Histoire de France, Paris, 1685. fol. T. 11 p. 418.
- 22 *Барнс*, давший живую картину черной чумы в Англии, взятую из реестров XIV века, описывает внешние симптомы в следующих выражениях: шишки или припухлости в паху или под мышками, называемые ядрами, желчами, волдырями, прыщами, сыпями или чумными язвами. The Hist. of Edw. III. Cambridge. 1688. fol. p. 432.
- 23 *Torfaeus*, Historia rerum Norvegicarum. Hafn. 1711. fol. L. ix. c. 8. p. 478. Этот автор последовал за *Понтанусом* (*Rerum Danicar. Historia. Amstelod. 1631. fol.*), который дал только общий отчет о чуме в Дании и ничего не сказал о ее симптомах.
- 24 *Dlugoss*, S. Longini Histor. polonic. L. xii. Lips. 1711. fol. T. 1. p. 1086.
- 25 *W. M. Richter*, Geschichte der Medicin in Russland. Moskwa, 1813. 8. p. 215. Свои сведения о черной чуме в России *Рихтер* почерпнул из аутентичных русских MSS.
- 26 Сравните по этому вопросу трактат *Баллингса* "Zur Diagnostik der Lungenerweichung". Том XVI. ii. 3. p. 257 из лит. Annalen der ges. Heilkunde.
- 27 В отношении Авиньона и Парижа однозначно установлено, что нечистота на улицах значительно усиливала чуму. *Raim. Chalin de Vinario*.
- 28 *De Peste Libri tres*, opera *Jacobi Dalechampii* in lucem editi. Lugdani, 1552. 16. p. 35. *Далешамп* лишь улучшил язык этого произведения, не добавив к нему ничего, кроме

предисловия в виде двух писем. *Раймон Шалин де Винарио* был современником *Ги де Шольяка* в Авиньоне. Он пользовался высокой репутацией и был в очень богатых обстоятельствах. Он часто упоминает кардиналов и высших чиновников папского двора, которых он лечил; и даже вероятно, хотя и не точно, что он был врачом Климента VI. (1342-1352), Иннокентия VI. (1352-) и Урбана V (1362-1370). Он и *Ги де Шольяк* никогда не упоминают друг друга.

29 *Dalechamp*, p. 205, где, а также на стр. 32-36, вспышки чумы упоминаются в обычных неопределенных выражениях: *Exanthemata viridia, cærulea, nigra, rubra, lata, diffusa, velut signata punctis* и т. д.

30 "Pestilentis morbi gravissimum symptoma est, quod zonam vulgo nuncupant. Ea sic fit: Pustulæ nonnunquam per febres pestilentes fuscæ, nigræ, lividæ existunt, in partibus corporis a glandularum emissariis se junctis, ut in femore, tibia, capite, brachio, humeris, quarum fervore et caliditate succi corporis attracti, glandulas in traiectione replent, et attollunt, unde bubones fiunt atque carbunculi. *Ab iis tanquam solidus quidam nervus in partem vicinam distentam ac veluti convulsione rigentem producitur, puta Brachium vel tibiam, nunc rubens, nunc fuscus, nunc obscurior, nunc virens, nunc Iridis colore, duos vel quatuor digitos latus.* Hujus summo, qua desinit in emissarium, plerumque tuberculum pestilens visitur, altero vero extremo, qua in propinquum membrum porrigitur, carbunculus. Hoc scilicet malum vulgus zonam cinctumve nominat, periculosum minus, cum hic tuberculo, illic carbunculo terminatur, quam si tuberculum in capite solum emineat." p. 198.

31 V. Hoff. *Geschichte der natürlichen Veränderungen der Erdoberfläche*, T. II. p. 264. Гота, 1824. За этим извержением в том же веке не последовало ни одного другого, ни Этны, ни Везувия.

32 Deguignes *Loc. cit.* p. 226, по китайским источникам.

33 Deguignes *Loc. cit.* p. 225.

34 Было также много саранчи, которую ураган сдул в море, а затем выбросил на берег, и она издавала ядовитые выхлопы; а в небесах виднелся густой и страшный туман, поднимавшийся на востоке и опускавшийся на Италию. Мансфельдская хроника, в *Кириаке Спангенберга*, гл. 287, лист 336. Эйсleben, 1572 год. Сравните *Staind. Chron. (?) у Шнурпера*. ("Ingens vapor magnitudine horribili boreali movens, regionem magno adspicientium terrore dilabitur".) и *Ad. von Lebenwaldt*, *Land-Stadt-und Hausarzney-Buch* fol. p. 15. Нюрнберг, 1695, который упоминает о темном, густом тумане, покрывшем землю. *Чалин* выражается по этому поводу в следующих выражениях: - "Кишки впиваются в землю, посылаются по воздуху: нубы краснеют и светятся, тело человека опустошено, солнце блестит". p. 50.

35 См. рассказ Кайуса о причинах потливой болезни в Приложении.- Переводчик.

36 *Mezeray Histoire de France*, Tom. II. 418. Париж, 1685. *Chroniques de Flandres B. Oudegheerst*. Antwerp, 1571, 4to. Chap. 175, f. 297.

37 Они распространились в направлении с востока на запад, над большинством стран, из которых мы получили сведения. Аноним. *Leobiens, Chron. Loc. cit.*

38 *Giov. Villani Istorie Fiorentine*, L. XII. chap. 121, 122. in *Muratori T. XIII. pp. 1001, 1002.* Сравните *Barnes Loc. cit.* p. 430.

39 I. *Vitodaran. Chronicon*, in *Fuseli. Thesaurus Histor. Helvet. Tigur. 1735, fol. p. 84.*

- 40 *Albert Argentiniens*. Chronic. in *Urstis Scriptor. rer. Germanic. Francof.* 1585. fol. P. II. p. 147. Сравните *Chalin*. Loc. Cit.
- 41 *Petrach*. Онепа. Basil 1554. fol. p. 210. *Barnes*. Loc. cit.
- 42 "Un tremblement de terre universel, mesme en France et aux pays septentrionaux, renversoit les villes toutes entières, déracinoit les arbres et les montagnes, et remplissoit les campagnes d'abysmes si profondes, qu'il sembloit que l'enfer eût voulu engloutir le genre humain". *Mezeray* Loc. cit. p. 418. *Barnes* p. 431.
- 43 *Вуллани*. Loc. cit. с. 119. p. 1000.
- 44 *Guillelm de Nanges*, Cont. alt. Chron. Loc. cit. p. 109.
- 45 *Guillelm de Nanges* Cont. alt. Chron. Loc. cit. p. 110.
- 46 *Villani*. Loc. cit. с. 72. p. 954.
- 47 Anonym. *Istorie Pistolesi*, in *Muratori*, T. XI. p. 524. "Ne gli anni di Chr. 1346 et 1347, fu grandissima carestia in tutta la Christianità, in tanto, che molta genie moria di fame, e fu grande mortalità in ogni paese del mondo."
- 48 По словам *Папона*, происхождение этой болезни теряется в неясности отдаленных веков; и даже до христианской эры мы можем проследить множество упоминаний о былых морах. *De la peste, ou époques mémorables de ce fléau, et les moyens de s'en préserver*. T. II. Paris, An. VIII de la rép. 8.
- 49 1301 год - на юге Франции; 1311 - в Италии; 1316 - в Италии, Бургундии и Северной Европе; 1335 - годы саранчи - в центре Европы; 1340 - в верхней Италии; 1342 - во Франции; 1347 - в Марселе и на большинстве крупных островов Средиземноморья. Там же. T. II. с. 273.
- 50 Сравните *Deguignes*. Loc. cit. p. 288.
- 51 Согласно общему византийскому обозначению, "из страны гиперборейских скифов". *Kantakuzen*. Loc. cit.
- 52 *Guid. Cauliac*, Loc. cit.
- 53 *Matt. Villani*, *Istorie*, in *Muratori*, T. XIV. p. 14.
- 54 *Annal. Caesenat*, *Ibid*. p. 1179.
- 55 *Barnes*. Loc. cit.
- 56 *Olof Dalin's*, *Svea-Rikes Historie*, III. vol. *Stockholm*, 1747-61, 4. Vol. II. C. 12, p. 496.
- 57 *Dlugoss*, *Histor. Polon.* L. IX. p. 1086, T. I. *Lips*. 1711, fol.
- 58 *Deguignes*, Loc. cit. p. 223, f.
- 59 *Matt. Villani*, *Istoria*, Loc. cit. p. 13.
- 60 *Knighton*, in *Barnes*, Loc. cit. p. 434.
- 61 *Jno. Trithem Annal. Hirsaugiens. Monast. St. Gall. Hirsaug*. 1690. fol. 1. T. II. p. 296. Согласно *Воссацио*, Loc. cit. 100 000; согласно *Matt. Вуллани*, Loc. cit. p. 14. три из пяти.
- 62 *Odoric Raynald Annal. ecclesiastic. Colon. Agripp*. 1691. fol. Vol. XVI. p. 280.

63 *Vitodуранский* хроник, в *Füssli*. Loc. cit.

64 *Tromby*, Storia de S. *Brunone* e dell' ordine Cartusiano. Vol. VI. L. VIII. p. 235. Napol. 1777. fol.

65 *Barnes* p. 435.

66 Ditto.

67 *Baluz*. Vitae Papar. Avenionens. Paris 1693-4. Vol. I. p. 316. Согласно *Рибдорфу* в *Freher*. Loc. cit. в худший период - 500 ежедневно.

68 *Königshoven*. Loc. cit.

69 Согласно *Реймеру Корку*, с Пасхи до Михаэля 1350 года - от 80 до 90 000 человек; среди них было одиннадцать членов сената и епископ Иоанн IV. Вид. *Иоанн Руд. Беккер*, Косвенная история имперского и вольного города Любека. Lübeck: 1782, 84, 1805. 3 Vols. 4. Том I. стр. 269. 71. Хотя Любек в то время находился в самом цветущем состоянии, этот рассказ, который согласуется с рассказом *Пауля Ланге*, несомненно, преувеличен. (Chronik. Citizense, in *I. Pistorius*, Rerum Germanic. Scriptores aliquot insignes, cur. *Struve* Ratisb. 1626. fol. p. 1214.) Поэтому мы выбрали более низкую оценку анонимного писателя. Хроника. Sclavic. by *Erpold Lindenbrog*. Scriptores rerum Germanic. Septentrional, vicinorumque populor. diversi, Francof. 1630. fol. p. 225, и *Spangenberg*. Loc. cit., с которым опять же не совпадает уверенность двух авторов, что 10 августа 1350 года умерло 15 или 1700 (по *Беккеру* 2500) человек. См. Chronik des Franciskaner Lesemeisters *Detmar*, nach der Urschrift und mit Ergänzungen aus anderen Chroniken, published by I. H. Grautoff. Hamburg: 1829,-30. 8. P. I. p. 269. App. 471.

70 *Förstemann*, Versuch einer Geschichte der christlichen Geisslergesellschaften, in *Staudlins* und *Izschirner's*, Archiv für alte und neue Kirchengeschichte, Vol. III. 1817.

71 Лимбург. Хроника, изданная *К. Д. Фогелем*. Марбург: 1828. 8vo. p. 14.

72 *Barnes*. Loc. cit.

73 Ibid.

74 *Spangenberg*. fol. 339. A. Grawsam Sterben vieler faulen Tropfen. Многие ленивые монахи умерли жестокой смертью.

75 *Vitoduran*. Loc. cit.

76 *Becker*, Loc. cit.

77 *Hainr. Rebdorf*. P. 630.

78 *Guillelm de Nang*. Loc. cit.

79 *Иоганна*, королева Наваррская, дочь *Людовика X.*, и *Иоганна* Бургундская, жена короля *Филиппа де Валуа*.

80 *Фулько де Шанар*.

81 *Mich. Felibien*, Histoire de la ville de Paris. Liv. XII. Vol. II. p. 601, Paris: 1725. fol. Comp. *Guillelm de Nangis*. Loc. cit, и *Daniel* Histoire de France, Tom. II. p. 484. Амстерд. 1720. 4to.

82 *Torfaeus*. Loc. cit.

83 Согласно другому рассказу, 960. Хроника. Салисбург, в *Pez*. Loc. cit. T. I. p. 412.

84 Согласно анонимному хронисту, каждая из этих ям, как говорят, вмещала 40 000 человек; это, однако, мы должны понимать только как круглые числа. Аноним. *Leobiens*, in *Pez*. p. 970. По словам этого писателя, в некоторых домах погибло более семидесяти человек, многие были полностью опустошены, а в одном только соборе Святого Стефана было перебито пятьдесят четыре церковнослужителя.

85 *Auger. de Biterris* in *Muratori*. Том III. Р. II. p. 556. У *Гобелина Персона* то же самое говорится о Падерборне, в *Henr. Meibom. Rer. Germanic. Script. T. I. p. 286. Helmstadt: 1688. fol.*

86 *Spangenberg. Loc. cit. chap. 287, fol. 336-7.*

87 *Barnes. 435.*

88 *Trithem. Annal. Hirsaug. Loc. cit.*

89 *Loc. cit. L. XII. c. 99. p. 977.*

90 *Chronic. Claustro-Neuburg. in Pez. Vol. I. p. 490. Comp. Barnes p. 435. Raynald Histor. ecclesiastic Loc. cit.* Согласно этой версии, беглый венецианец, как говорят, принес чуму в Падую.

91 *Giov. Виллани, L. XII. c. 83, p. 964.*

92 *Barnes, p. 436.*

93 *Wood, Loc. cit.*

94 Вуд говорит, что до чумы в Оксфорде было 13 000 студентов; это число может в какой-то степени позволить нам составить представление о состоянии образования в Англии в то время, если учесть, что в средние века университеты посещали молодые студенты, которые в наше время не бросают школу до 18 лет.

95 *Barnes and Wood. Loc. cit.*

96 *Gobelin Person, in Meibom. Loc. cit.*

97 *Juan de Mariana. Historia General de España. Иллюстрированная доном Хосе Кабай-у-Бланко. Том. IX. Madrid: 1819, 8vo. Libro XVI. p. 225. Don Diego Ortiz de Zuñiga, Annales ecclesiasticos y seculares de Sevilla. Madrid: 1795, 4to. T. II. p. 121. Don Juan de Ferreras, Historia de España. Madrid: 1721. T. VII. p. 353.*

98 *Gobelin Person. Loc. cit. V. Chalin, p. 53.*

99 *Guillelm de Nangis. Loc. cit.*

100 *Spangenberg. fol. 337. b. Limburg. Chronic. p. 20. "Und die auch von Rom kamen, wurden eines Theils böser als sie vor gewesen waren."*

101 *Guillelm de Nangis. Loc. cit. и многие другие.*

102 *Dalin's Svea Rikes Historie, Vol. II. c. xii. p. 496.*

103 *Саабье. Tagebuch in Grönland. Einleit. XVIII.-Torfaei Histor. Norveg. Tom. IV. L. IX, c. viii. p. 478-79. F. G. Mansa, De epidemiis maxime memorabilibus quæ in Dania Grassatæ sunt, et de Medicinæ statu. Partic. I. Havn. 1831, 8vo. p. 12.*

104 *Torfaei* Groenlandia antiqua, s. veteris Groenlandiae descriptio. Havniæ, 1715, 8vo. p. 23-Potan. Rer. danicar. Histor. Amstelod. 1631, fol. L. VII. p. 476.

105 *Richter*, Loc. cit.

106 Этот взгляд на предмет мы можем почерпнуть у *Гийельма де Нангуса* и *Барнса*, если будем читать их с вниманием. *Олоф Далин*, Loc. cit.

107 *Practica de aegritudinibus a capite usque ad pedes*, Papiae, 1486, fol. Tract, VI. c. vii.

108 "Darnach, da das Sterben, die Geiselfarth, Römerfarth, Judenschlacht, als vorgeschrieben steht, ein End hatte, da hub die Welt wieder an zu leben und fröhlich zu seyn, und machten die Männer neue Kleidung." *Limburg Chronik*, p. 26. После этого, когда, как уже говорилось, смертность, шествия флагеллантов, походы в Рим и резня евреев закончились, мир начал оживать и радоваться, а люди надели новые одежды.

109 *Chalin*, Loc. cit. p. 92. Любекская хроника *Детмара*, Т. I. p. 401.

110 Хроника. *Дитмари*, епископ. Мерзепург, Франкоф. 1580, fol. p. 358.--"Spangenberg, p. 338. Плач был жалок, и единственным утешением оставалась тревога, вызванная опасностью, чтобы подготовиться к славному отъезду; другой надежды не оставалось - смерть казалась неизбежной. Поэтому многих побудили обратиться к Богу и отказаться от своих порочных занятий: родители предупреждали своих детей, наставляли их, как молиться и покоряться путям Провидения; соседи взаимно наставляли друг друга; никто не мог рассчитывать ни на один час передышки. Многие люди и даже маленькие дети прощались с миром; одни с молитвой, другие с хвалой на устах".

111 *Torfaei* Hist. rer. Norvegic, L. IX. c. viii, p. 478. (Havn. 1711, fol.) *Die Cronica van der hilliger stat van Coellen, off dat tzytboich*, Coellen, 1499, fol. p. 263. "In dem vurss jair erhoiff sich eyn alzo wunderlich nuwe Gesellschaft in Ungarien." &c. Хроника святого города Кельна, 1499 год. В этом же году в Венгрии было создано весьма примечательное Общество.

112 *Альберт. Argentinens. Chronic*, p. 149, in *Chr. Urstisius. Germaniae historicorum illustrium Tomus unus*. Francof. 1585, fol.-Guillelm de Nang. См. также "Саксонскую хронику" *Маммеуса Дрессерена*, врача и профессора Лейпсига, Виттенберг, 1596, с. 340; вышеупомянутую Лимбургскую хронику и "Germaniae Chronicon" о происхождении, именах, торговле и т.д. всех тевтонских народов Германии: автор Себ. Франкен, из Вёрда. Tübingen, 1534, fol. p. 201.

113 *Königshoven*, Elsassische und Strassburgische Chronicke. Loc cit. p. 297.

114 *Альберт Аргентин*. Loc. cit. Они никогда не оставались дольше одной ночи в каком-либо месте.

115 Слова *Монаха Падуанского*, приведенные в трактате Фёрстеманна, который является лучшим по этому вопросу - см. с. 60.

116 *Шнуррер*, Хроника чумы, Т. I. стр. 291.

117 Кёнигсховен. Loc. cit.

118 *Förstemann*, Loc. cit. Паломничество флагеллантов в 1349 году было не последним. Позднее, в XIV веке, этот фанатизм еще несколько раз проявлялся, хотя уже никогда не в такой степени: в XV веке в некоторых частях Германии считалось необходимым истреблять их огнем и мечом, а в 1710 году процессии крестоносцев все еще можно было увидеть в Италии. Насколько глубоко укоренилась эта мания, доказывают показания гражданина Нордхаузена

(1446 г.): его жена, желая совершить христианский акт, хотела бичевать своих детей, как только они крестились.

119 *Königshoven*, p. 298:

"*Stant uf durch der reinen Martel ere;
Und hüte dich vor der Sünden mere.*"

120 *Guill. de Nang*. Loc. cit.

121 *Albert Argentinens*. Loc. cit.

122 В хрониках того времени мы встречаем фрагменты разной длины, но единственный полный MS., которым мы располагаем, находится в ценной библиотеке президента фон Мейзебаха. Массманн напечатал ее, сопроводив переводом, под названием "*Erläuterungen zum Wessobrunner Gebet des 8ten Jahrhunderts. Nebst Zweien noch ungedruckten, Gedichten des Vierzehnten Jahrhunderts*, Berlin, 1824. "Разъяснение молитвы Вессобрунна VIII века, вместе с двумя неизданными гимнами XIV века". Мы поместим его в конце этого трактата как яркий документ эпохи. Лимбургская хроника утверждает, что она не была написана до этого времени, хотя ее часть, если не вся, была исполнена в процессии флагеллантов в 1260 г. - См. *Incerti auctoris Chronicon rerum per Austriam Vicinasque regiones gestarum inde ab anno 1025, usque ad annum 1282*, Munich, 1827-8, p. 9.

123 *Trithem. Annal. Hirsaugiens*, T. II. p. 206.

124 Он издал буллу против них 20 октября 1349 года. *Рейнальд. Trithem*. Loc. cit.

125 Но поскольку в конце концов они перестали вызывать удивление, их больше не приветствовали звоном колоколов и не принимали с почтением, как раньше, они исчезли, как это свойственно человеческому воображению. Саксонская хроника, автор *Mamm. Дрессерена*. Wittenberg, 1596, fol. p. 340-341.

126 *Albert Argentinens*. Loc. cit.

127 *Гийельм де Нангис*.

128 *Дитмар*. Loc. cit.

129 Документальная история и описание *Клозе Бреславского*, 8vo. Vol. II. p. 190. Breslaw, 1781.

130 Лимбургская хроника, с. 17.

131 "Описание Кенигсберга, то есть Ноймарка" *Керберга*, 1724 г., 4to. p. 240.

132 Так пишет польский историк *Длугосс*, Loc. cit., в то время как большинство его современников упоминают только об отравлении колодцев. Очевидно, что в том состоянии, в котором находились их чувства, для них не имело большого значения добавление еще одного, еще более грозного обвинения.

133 В тех местах, где не проживали евреи, как в Лейпсиге, Магдебурге, Бриге, Франкенштейне и т.д., в преступлении обвиняли гробокопателей - В. *Möhsen's History of the Sciences in the March of Brandenburg*, T. II. p. 265.

134 См. оригинальные материалы в Приложении.

135 *Hermanni Gygantis Flores temporum, sive Chronicon Universale*-Ed. *Meuschen*. Lugdun, Bat. 1743. 4to. p. 139. Герман, францисканский монах из Франконии, писавший в 1349 году, был очевидцем самых отвратительных сцен мести по всей Германии.

136 Гид. *Cauliac*. Loc. cit.

137 *Hermann*. Loc. cit.

138 *Albert Argentin.-Königshoven*, Loc. cit.

139 *Dies was ouch die Vergift, die die Juden döttete*. "Это также яд, который убил евреев", - замечает Кёнигсховен, иллюстрируя это тем, что их численность в Германии была очень велика, а их способ добывать средства к существованию, который, однако, был единственным оставшимся у них ресурсом, вызывал неприязнь к ним во всех кругах.

140 Многие состоятельные евреи, например, по пути на костер были лишены одежды ради зашитой в ней золотой монеты - Альберт Аргентиненс.

141 См. предыдущее примечание.

142 *Spangenberg*. Loc. cit.

143 *Guillelm. de Nangis.-Dlugoss*. Loc. cit.

144 *Albert. Argentinens*.

145 Спангенберг описывает подобную сцену, произошедшую в Костнице.

146 *Guillelm de Nang.-Raynald*.

147 История. Ландграф. *Thuring*. in *Pistor*. Loc. cit. Vol. I. p. 948.

148 Аноним. *Leobiens*, in *Pez*. Loc. cit.

149 Шпангенберг. В графстве Марк евреи жили не лучше, чем в остальной Германии. Маркграф Людвиг Римский даже потворствовал их преследованиям, о которых Керберг (*Kehrberg*, Loc. cit. 241) приводит следующий официальный отчет: *Coram cunctis Christi fidelibus praesentia percepturis, ego Johannes dictus de Wedel Advocatus, inclty Principis Domini, Ludovici, Marchionis, publice profiteor et recognosco, quod nomine Domini mei civitaten Königsberg visitavi et intravi, et ex parte Domini Marchionis Consulibus ejusdem civitatis in adjutorium mihi assumtis, Judaeos inibi morantes igne cremavi, bonaque omnia eorundem Judaeorum ex parte Domini mei totaliter usurpavi et assumsi. In cujus testimonium praesentibus meum sigillum appendi. Datum A. D. 1351. in Vigilia S. Matthaei Apostoli.*

150 *Basnage Histoire des Juifs*. A la Haye, 1716. 8vo. T. IX. Pt. II. Liv. IX. ch. 23. §. 12-24. p. 664-679. В этом ценном труде содержится интересный рассказ о состоянии евреев в средние века. Сравните "Историю израильтян со времен Маккавеев до наших дней" Й. М. Йоста. Т. VII. Берлин, 1827. 8vo. p. 8-262.

151 Альберт Аргентиненс.

152 Герман. *Gygas*. Loc. cit.

153 По этому вопросу см. Кёнигсховена, который сохранил очень ценные оригинальные материалы. Наиболее важные из них - уголовные допросы десяти евреев в Шильоне на Женевском озере, состоявшиеся в сентябре и октябре 1348 г. - V. Приложение. На них были

получены самые странные признания, и под ложным именем правосудия был санкционирован кровавый фанатизм, от которого загорались погребальные костры. Копии этих процессов были отправлены в Берн и Страсбург, где они послужили поводом для первых гонений на евреев. - V. также оригинал документа о наступательном и оборонительном союзе между *Бертольдом фон Гетцем*, епископом Страсбурга, и многими влиятельными лордами и дворянами, в пользу города Страсбурга, против Карла IV. В результате последний был вынужден объявить этому городу амнистию за гонения на евреев, что в наши дни считалось бы позором для императорской короны. Не говоря уже о многих других документах, в которых не менее отчетливо прослеживается дух XIV века, p. 1021. f.

154 *Guillelm de Nangis*. p. 110.

155 "Curationem omnem respuit pestis confirmata." - *Chalin*, p. 33.

156 *Якоб. Францискини де Амброзис*. В приложении к "Истории Пистолези". *Muratori*, Tom. XI. p. 528.

157 *Gentilis de Fulgineo*, Consilia. De Peste cons. I. II. fol. 76. 77. Venet. 1514. fol.

158 "Venenosa putredo circa partes cordis et pulmonis de quibus exeunte venenoso vapore, periculum est in vicinitatibus." Cons. I. fol. 76, a.

159 Таким образом, мнение *д-ра Маклина* о том, что доктрина заражения была впервые провозглашена в 1547 году папой Павлом III и т. д., рушится вместе со всеми аргументами, основанными на ней. *Diseases*, 8vo. 1817, Pt. II. Book II. ch. 3. 4.-Transl. note.

160 *Lippitudo contagione spectantium oculos afficit.* - *Chalin de Vinario*, p. 149.

161 См. "Geschichte der Heilkunde" автора, т. II. P. III.

162 Сравните *Маркс*, *Origines contagii*. Caroliruh. et Bad. 1824. 8.

163 *Cael. Aurelian*. Chron. L. IV. c. I. p. 497. *Прим. ред. Амман*. "Sed hi ægrotantem destituendum magis imperant, quam curandum, quod a se alienum humanitas approbat medicinæ".

164 *Geschichte der Heilkunde*, Vol. II. p. 248.

165 *Чалин* прямо уверяет нас, что многие женские монастыри, закрыв свои ворота, остались свободными от заразы. Стоит отметить, и это вполне соответствует преобладающим представлениям, что пребывание в густой, влажной атмосфере обычно считалось более благоприятным и консервативным, поскольку она была более непроницаемой для астрального влияния, так как низшая причина препятствовала высшей. - *Chalin*, p. 48.

166 Это называлось *Affluxus*, или *Forma specifica*, и сравнивалось с действием магнита на железо и янтаря на мякину - *Chalin de Vinario*, p. 23.

167 *Causa universalis agens-causa particularis patiens*. Этому соответствуют, по *Чалину*, выражения *Causa superior et inferior*.

168 Очищение организма алетическими пилюлями; кровопускание; очищение воздуха с помощью больших костров; использование патоки; частое принюхивание к летучим веществам, из которых готовились определенные "пома"; внутреннее употребление армянской болы - средства от чумы, заимствованного у арабов и в течение всего средневековья имевшего большую моду и очень неправильное применение; употребление кислой пищи, чтобы противостоять гниению. *Ги де Шольяк*, похоже, рекомендовал многим

бегство. Loc. citat. p. 115. Сравните *Шалин*, Л. II., который дает прекрасные наставления по этому вопросу.

169 *Auger. de Biterris*. Loc. cit.

170 L. I. c. 4. p. 39.

171 Fol. 32. a. a. O.

172 *Galeacii de Sancta Sophia*, Liber de Febribus. Venet. 1514, fol. (Печатается вместе с *Guilelmus Brixiensis*, *Marsilius de Sancta Sophia*, *Ricardus Parisiensis*. fol. 29. seq.)

173 Тепло, холод, сухость и влажность.

174 Талантливый *Чалин* придерживается того же мнения: "Obscurum interdum esse vitium aëris, sub pestis initia et menses primos, hoc est argumento: *quod cum nec odore tetro gravis, nec turpi colore foedatus fuerit, sed purus, tenuis, frigidus, qualis in montosis et asperis locis esse solet, et tranquillius, vehementissima sit tamen pestilentia infestaque*, etc." p. 28. Самые последние наблюдатели малярии ничего более не утверждают.

175 Сравните *Enr. di Wolmar*, Abhandlung über die Pest. Berlin, 1827. 8vo.

176 *Tractatus de Febribus*, fol. 48.

177 *De Peste Liber*, pura latinitate donatus a *Jacobo Dalechampio*, Lugdun. 1552. 16. p. 40. 188. "Longe tamen plurimi congressu eorum qui fuerunt in locis pestilentibus periclitantur et gravissime, quoniam e causa duplici, nempe et aëris vitio, et eorum qui versantur nobiscum, vitio. *Hoc itaque modo fit, ut unius accessu in totam modo familiam, modo civitatem, modo villam, pestis invehatur.*" Сравните с p. 20: "Solæ privatorum aedes pestem sentiunt, *si adeat qui in pestilenti loco versatus est.*" - "Nobis proximi ipsi sumus, nemoque est tanta occæcatus amentia, qui de sua salute potius quam aliorum sollicitus non sit, maxime in contagione tam cita et rapida." Довольно вольный принцип, который мог бы сильно поощрить низкие чувства и поставить под угрозу честь медицинской профессии, но который у *Чалина*, осознававшего невозможность избежать заражения в нечистых жилищах, настолько оправдан, что он не применял его к себе.

178 *Morbos omnes pestilentes contagiosos, audacter ego equidem pronuntio et assevero*, p. 149.

179 См. предыдущее примечание, с. 162. 163.

180 Ibid. p. 97. 166. "Qualis (vita) esse solet eorum, qui sacerdotiorum et cultus divini prætextu, genio plus satis indulgent et obsequuntur, ac Christum speciosis titulis emementes, Epicurum imitantur." Безусловно, замечательная свобода чувств для XIV века.

181 Ibid. p. 183. 151.

182 Ibid. p. 159. 189.

183 *Canonica de Febribus*, ad *Raynerium Siculum*, 1487, s. l., cap. 10, sine pag. "Febris pestilentialis est febris contagiosa ex ebullitione putrefactiva in altero quatuor humorum cordi propinquorum principaliter."

184 *Валешу де Таранта*, Филониум. Lugdani, 1535. 8. L. VII., c. 18., fol. 401., b. seq.- Сравните *Astruc*, Mémoires pour servir à l'Histoire de la Faculté de Médecine de Montpellier, Paris, 1767. 4. p. 208.

185 *Chronicon Regiense, Muratori*, Tom. XVIII. p. 82.

186 *Adr. Chenot*, *Hinterlassene Abhandlungen über die ärztlichen und politischen Anstalten bei der Pestseuche*, Wien, 1798, 8vo. p. 146. С этого периода в средние века было принято забаррикадировать двери и окна домов, зараженных чумой, и подвергать их жителей немилосердной гибели.-*S. Möhsen*, Loc. cit.

187 *Chron. Reg.* Loc. cit.

188 *Muratori*, Tom. XVI., p.560.- Сравните *Chenot*, loc. cit. p. 146.

189 *Papon*, loc. cit.

190 *Chenot*, p. 145.

191 *Le Bret*, *Staatsgeschichte der Republik Venedig*. Рига, 1775. 4, часть II., отдел 2, с. 752.

192 *Zagata*, *Cronica di Verona*, 1744. 4, III., p.93.

193 *Le Bret*, loc. cit. Сравните Гамбургский ремаркен 1700 года, стр. 282 и 305.

194 *Göttinger gelehrte Anzeigen*, 1772, p. 22.

195 Сорок дней длился Потоп, сорок дней пребывал Моисей на горе Синай, столько же постился наш Спаситель в пустыне; наконец, то, что называется саксонским термином (*Sächsische Frist*), который длится сорок дней, и т. д. Сравните *G. W. Wedel. Centuria Exercitationum Medico-philologicarum. De Quadragesima Medica. Jenae, 1701. 4, Dec. IV., p. 16.*

196 Отсюда понятно, с какими чувствами люди относились к подземным громам.

197 Ради Троицы Твоей.

198 Благодаря этому судебному разбирательству всем последующим гонениям была придана видимость справедливости, и они заслуживают того, чтобы быть записанными как важные исторические документы. Оригинал на латыни, но мы предпочли немецкий перевод в "Хронике Кёнигсховена", стр. 1029.